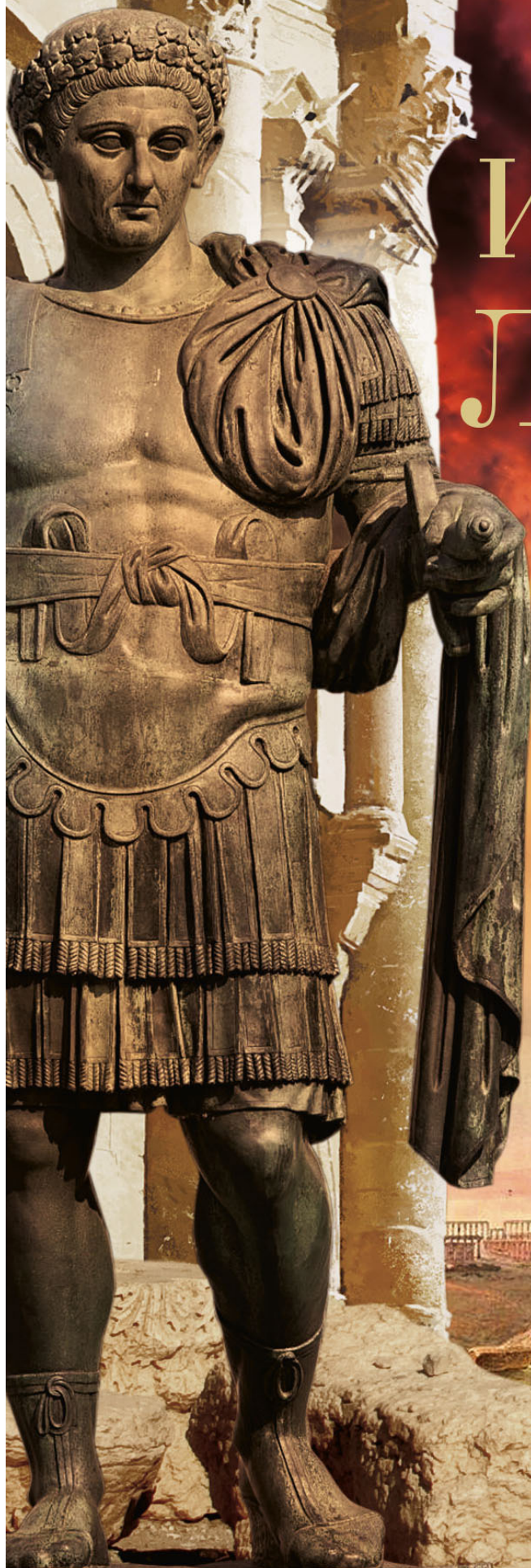

РЕНЕ
ГРУССЕ

ВЕЛИКИЕ
ИМПЕРИИ
▪ МИРА ▪

ИМПЕРИЯ ЛЕВАНТА

Древняя земля тлеющего конфликта
между Востоком и Западом

Великие империи мира

Рене Груссе

**Империя Леванта. Древняя
земля тлеющего конфликта
между Востоком и Западом**

«Центрполиграф»

1949

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Груссе Р.

Империя Леванта. Древняя земля тлеющего конфликта между Востоком и Западом / Р. Груссе — «Центрполиграф», 1949 — (Великие империи мира)

ISBN 978-5-9524-5782-9

Рене Груссе, выдающийся французский историк-востоковед, в своей книге прослеживает историю противостояния Востока и Запада на древней земле Леванта с Античности до падения Константинополя и расцвета Османской империи. Автор знакомит читателя с историей Сирии, Ливана, Палестины, Малой Армении, Кипра и других государств Восточного Средиземноморья, анализирует изменение границ – духовных и политических – между Европой и Азией, а также исследует истоки возникновения восточного вопроса и рассматривает пути его решения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5782-9

© Груссе Р., 1949
© Центрполиграф, 1949

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Наследие античности	10
Глава 1. Эллинизм и восточный вопрос	10
1. Греческое завоевание	10
2. Азиатская реакция против эллинизма	21
Глава 2. Рим и восточный вопрос	26
1. Римское завоевание	26
2. Сасанидская реакция	33
Часть вторая. Восточный вопрос в раннее средневековье.	39
Византийское решение	
Глава 1. Византия, бастион европейской цивилизации	39
1. От Юлиана до Ираклия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рене Груссе
Империя Леванта. Древняя
земля тлеющего конфликта
между Востоком и Западом

Rene Grousset

L'empire du Levant. Histoire de la question d'Orient

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2022

* * *

Предисловие

История восточного вопроса начинается не в XVII в., как часто полагают. Чтобы понять суть проблемы, следует рассмотреть ее развитие от эпохи Древней Греции до событий современности.

В этом духе я и старался проследить изменение границ – духовных и политических – между Европой и Азией.

Европу я определяю как совокупность стран – наследниц древнегреческой культуры. Впервые европейский дух осознал себя в Греции в V в. до н. э. Он возник в противостоянии азиатам в дни Марафонского и Саламинского сражений, которые, освятив свободу Эллады, обеспечили на восемь веков независимость греческого, то есть европейского, духа. С тех пор понятие Европы непрерывно расширялось и развивалось, притом что изначальное его значение менялось не слишком радикально. Римская империя стала включением латинского элемента, а через него всего западного мира в греческую цивилизацию. Средневековое христианство было приобщением к той же культуре германского и славянского миров. Более близкие времена, наконец, представляют собой возвращение сформировавшейся таким образом цивилизации к ее духовным истокам, возрождение греческого научного духа в современной науке.

Определенная таким образом граница Европы с Азией сильно перемещалась на протяжении веков. Для афинянина V в. до н. э. она проходила между Милетом и Сардами, а обосновавшиеся на ионическом побережье греческие колонии были словно десантом эллинской цивилизации, высаженным для штурма азиатского континента. При Александре Македонском границы Европы, включившей в себя всю Переднюю Азию, внезапно оказались отодвинуты за Самарканд и Лахор, к порогу Центральной Азии и Индии. В эпоху греческих царей Бактрии, около 150 г. до н. э., долина Кабула, где скоро сложится невероятно плодovitая эллинистическая школа скульптуры, находится в Европе, точно так же, как в Европе находятся Антиохия и Александрия.

Эта экспансия не могла продолжаться на всех направлениях. За сто лет до Рождества Христова восточная граница Европы отступила от Инда к Евфрату. При последних Селевкидах, всю эпоху существования Римской империи и в первые века нашей эры, с 129 г. до н. э. по 649 г., Евфрат оставался разделительной линией между греко-латинской цивилизацией и восточным миром. По крайней мере, Ближний Восток к западу от Евфрата – Малая Азия, Сирия, Египет – все это время продолжал оставаться регионом непрерывной греческой традиции.

Но это политическое завоевание, эта духовная гегемония эллинизма в ближайших районах Азии имели неожиданные последствия – эллинистический мир проникся восточным духом. Начиная со II в. н. э. восточные религии, как семитические, так иранские и египетские, устремились на завоевание римского мира. В IV в. последние цезари копировали даже сам внешний облик восточных монархий. Византийская империя с многих точек зрения будет иранизацией, а с религиозной точки зрения семитизацией Римской империи и греческого духа. Поспешим добавить, что эти азиатские влияния Европа широко ассимилирует. Христианство утвердится в качестве наследника греко-римской культуры. Святая София, а затем наши соборы станут продолжением Парфенона; химеры Реймса возродят традицию Фидия. После большого духовного кризиса IV в. Европа продолжит существование.

Однако к моральному проникновению Азии в Европу, проникновению, определяющему основной характер Византийской империи, в середине VII в. добавится великий мятеж Азии, который называется ислам. Первая волна мусульманского завоевания накрывает Сирию и Египет. Область распространения эллинизма съеживается до Малой Азии. Александрия, с 332 г. до н. э. наследовавшая Афинам в качестве столицы эллинистической мысли, в 643 г. н. э.

перестала составлять часть Европы. Европейские границы резко отхлынули от дельты Нила и Евфрата к Тавру.

На протяжении более двух веков (VII–IX) византийцы вели напряженную борьбу за то, чтобы уберечь от арабских вторжений хотя бы Анатолийское плато. Борьба эта малоизвестна, но тем не менее представляет первостепенный интерес для будущего нашей цивилизации. Что стало бы с Европой, если бы византийская дамба была прорвана, если бы мусульмане захватили Константинополь не в 1453 г., когда Запад достиг зрелости, а в 673 или 717 г.? Не был бы возможен никакой Ренессанс, поскольку европейская река оказалась бы отрезанной от греческого истока.

Кроме того, среди земель, затопленных арабской волной, сохранился христианский островок – Армения. Волны неоднократно накрывали его, но всякий раз он появлялся из-под воды снова, а при династии Багратидов сумел восстановить независимость (885–1045). Христианская земля, окруженная неверными, европейская колония, кусочек Европы, заброшенный в центр Азии, она упорно выживала, и в том ее огромная заслуга.

Сама Византия, на какое-то время ушедшая в глухую оборону, в X в. пережила блестящее возрождение военной мощи и перешла на всех фронтах в контрнаступление, в котором Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и Василий II отвоевали Северную Сирию, включая великий город Антиохию, Эдесскую Месопотамию и Армению.

И все же эта «романская» реконкиста была более блистательной, нежели прочной. В середине XI в. обрушилось новое мусульманское нашествие, еще более грозное, чем первое, – нашествие турок-сельджуков. Арабы деэллинизировали и ресемитизировали лишь Сирию, Месопотамию и Египет. Турки же деэллинизировали и туранизировали большую часть Малой Азии. Менее чем за двадцать лет, с 1054 по 1081 г., Анатолийский полуостров стал новым Туркестаном, границы Европы отступили от Армении к Босфору, турки дошли до Никеи. События 1453 г. могли произойти уже в 1081 г.

Вмешательство Запада изменило ход истории. Чтобы сменить на посту пошатнувшуюся Византию, чтобы отбросить Азию от европейских передовых линий, Запад пришел в движение и организовал крестовые походы.

С XII по XV в. западные народы, в первую очередь французы и итальянцы, колонизировали Левант, то есть (в хронологическом порядке) Сирию-Палестину, Кипр, приморскую часть Балканского полуострова, особенно континентальную и островную Грецию, даже Крым. Их влияние ощущалось также в армянском царстве Киликия, считавшем за честь подражать нашим феодальным институтам.

Это была первая колониальная экспансия Запада. Вначале ее причиной, потом, по крайней мере внешним предлогом, был религиозный порыв, а более прочными мотивами – жажда территориальных захватов у французских баронов и коммерческий интерес у итальянских морских республик. Она опиралась на мощные духовные рычаги, на побуждающие к действию идеи: освобождение Гроба Господня, покорение христиан-«схизматиков» власти римского папы. Материальные причины были не менее сильными: потребность обновленной молодой Европы в расширении, поскольку переполняемое энергией рыцарство мечтало о приключениях, но таких, что приносят выгоду; экономический и морской империализм республик, также переполняемых жаждой действия, способных, даже в еще большей степени, чем бароны, составлять долгосрочные масштабные планы.

При такой изначальной поддержке предприятие оказалось успешным. На французском языке говорили в Сен-Жан-д'Акре, в Никосии, в Афинах. На итальянском разговаривали от Крита до Крыма. Экономические связи, на первый взгляд нерасторжимые, связывали порты Леванта с Пизой, Генуей, Марселем и Барселоной. Культурная общность сделала похожими наши французские соборы и соборы Тортосы, Фамагусты или Родоса. У современника Филиппа Августа или Людовика Святого не возникало бы никаких сомнений в том, что это

духовное влияние окончательно. Никаких сомнений в непоколебимости этих экономических связей не зародилось бы у современника Марко Поло или Пеголотти.

Однако от этой экспансии ничего не осталось. Ислам или эллинизм все поглотили, накрыли, и остатки франкского владычества превратились лишь в археологические артефакты¹. Никогда более ни одна колонизация не будет уничтожена столь полно. А ведь она являлась лучшим результатом европейских сил на протяжении более чем трех веков.

Что же произошло? Как Европа была в первый раз отброшена от южных морей?

Эта средневековая Европа, такая однородная в своем римском католичестве, так, на первый взгляд, крепко стоящая на двойной основе папства и Священной империи, была сама раздробленность. Когда она, в порыве крестовых походов и благодаря господству на море, завоевала Палестину и приморскую Сирию, она ввела там в качестве политического и общественного строя феодальную систему в ее самом строгом виде, систему, правила которой, если исполнять их буквально, обрекали государство на паралич. А ведь речь шла о военной колонии, основанной на вражеской территории! Потом, в час, когда эта колония в Святой земле более всего нуждалась в подкреплениях, изменение маршрута Четвертого крестового похода направило франкскую экспансию в ином направлении, разбросало от Яффы и Антиохии до Константинополя и Элиды поступающие с Запада силы, интересы, переселенцев. В конце концов, колонистов не хватило нигде. Второй латинский император, Анри де Эно, констатировал это для Романии, так же как Гийом Тирский² для Святой земли.

Запад не только распылил свои усилия, но и разделился против себя самого. Третий крестовый поход удался лишь наполовину из-за соперничества между Филиппом Августом и Ричардом Львиное Сердце. Возвращение Иерусалима Фридрихом II оказалось напрасным из-за антагонизма между гвельфами и гибеллинами. Потом, в XIV в., Франция, полностью занятая Столетней войной, прекратила свои усилия на этом направлении. Латинский Восток, который в XII–XIII вв. был французским Востоком, стал Востоком итальянским и отчасти арагонским или каталонским. Но и здесь мы видим непрекращающиеся раздоры и взаимную ненависть. Эти итальянские республики, в особенности Венеция, с их долгосрочной торговой политикой, дисциплинированные самой *pratica della mercatura*³, были более последовательны в достижении своих целей, чем бароны, которым они наследовали. Они едва не дошли до взаимного истребления. Венецианская империя в Эгейском море и генуэзская империя в Черном не имели более заклятого врага, чем, соответственно, генуэзцы и венецианцы.

Результатом стало обрушение, кусок за куском, латинского Востока, а также и Востока византийского. В начале XII в. Европа с ее графством Эдесским в Сирии достигла и даже перешла Евфрат. В начале XV в. она с ее генуэзскими факториями дошла до устья Дона, возле нынешнего Ростова. А в 1453 г. граница Европы отодвинется уже к Дунаю. Около 1530 г. она пройдет между Венецией и Будапештом. Далеко в прошлое уйдут времена, когда «наши» удерживали порты Сирии или Греции, уже берберские пираты из Алжира станут совершать набеги вплоть до Неаполя и Прованса. Турки, те самые турки, которых во времена крестовых походов наши рыцари отбросили до Евфрата, осадят Вену и Мальту.

Следует сказать, что крестовые походы нельзя рассматривать ни как чисто идеологические предприятия, ни как войны ради добычи. Они представляют собой оборонительный

¹ Франкская Сирия просуществовала с 1098 по 1291 г., латинское владычество на Кипре с 1191 по 1571 г. В континентальной Греции франкские владения возникли после 1201 г. и окончательно исчезли в 1458 г., когда турки захватили афинский Акрополь у последнего герцога-флорентийца. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

² Гийом Тирский (ок. 1130–1186) – видный церковный и общественный деятель Иерусалимского королевства, придворный историк короля Амори I, по заказу которого написал «Историю священной войны христианских государей в Палестине и на Востоке», чаще называемую «Историей деяний в заморских землях», охватывающую события до 1184 г. (Примеч. пер.)

³ Практика рынка (*ит.*). (Примеч. пер.)

рефлекс Европы на азиатскую угрозу. Как и поход Александра Македонского или войны Траяна против парфян и Ираклия против Сасанидов, они вписываются в *оборону Запада*.

История отношений Востока и Запада заключается в чередовании больших приливных и отливных волн: нашествие Азии и его остановка в Греко-персидских войнах; македонское и римское контрнаступление; нашествие ислама в VII в., потом византийское наступление в X в.; нашествие турок-сельджуков в XI в., затем контратака крестоносцев в XII в.; новое наступление турок-османов от Бруссы до Вены с XIV по XVII в., потом их окончательный отход до Адрианополя в 1912 г.

Отметим, что название «крестовые походы» охватывает и те военные кампании, которые никоим образом не относились к защите Европы. Такие, например, как различные походы латинян на византийские земли. Походы, признаем, заслуживающие сожаления, поскольку они в конечном итоге привели к тому, что сломили силу Византии (еще вполне реальную в XIII в.), ничем ее не заменив, и тем самым сделали Балканы добычей османских завоевателей.

Правда, Четвертый крестовый поход и последовавший за ним раздел греческих земель стали лишь проявлениями потребности Запада в колониальной экспансии. Доказательство тому: едва эта первая европейская колониальная система была разрушена, едва Османская империя завладела всеми бывшими византийскими территориями, как морская экспансия Европы возобновилась, но уже в другом направлении. Берега Сирии и Крита были потеряны для эскадр, выходящих из портов Генуи или Венеции. Эскадры из Лиссабона направились в Индийский океан. Победенная, подвергшаяся вторжению Азии в свой дом Европа, оставшаяся повелительницей морей, обогнула Азию и атаковала ее с тыла. Оккупация португальцами Гоа, Цейлона и Малакки компенсировала падение Константинополя. Этот обходной маневр привел к забавной ситуации: в начале XX в. Азия еще начиналась к югу от Дуная, в то время как Европа уже контролировала весь Индийский океан.

История отношений Восток – Запад, которую я попытался вкратце изложить в данном труде, включает четыре части. Сначала показано, каким было наследие Античности и что из результатов завоеваний Александра Македонского сохранилось после возникновения около 323 г. христианской империи. Затем история восточного вопроса рассматривается в трех различных аспектах: византийское (или арабо-византийское) решение в раннем Средневековье, франкское решение в XIII–XV вв. и турецкое решение, начиная с 1360 и особенно с 1453 г.

В заключение хочу подчеркнуть, что настоящий труд не несет по отношению к неевропейским культурам никакого негативного предрассудка. Мусульманские народы дали миру слишком высокоразвитые цивилизации, чтобы беспристрастный ум мог когда-либо иметь против них подобные тенденции.

Я выражаю глубочайшую признательность моему ученому собрату г-ну Жану Лоньону⁴, который любезно предоставил в мое распоряжение свои частично еще неопубликованные работы и указал на различные дополнения и исправления, которые я внес в настоящее издание.

⁴ Жан Лоньон (1887–1979) – французский историк. (Примеч. пер.)

Часть первая. Наследие античности

Глава 1. Эллинизм и восточный вопрос

1. Греческое завоевание

Панэллинизм и персидский мир

Восточный вопрос – проблема отношения Европы и Азии. Политическая проблема, периодически решавшаяся на полях сражений. Культурная проблема, которая то приводила к выработке некоего религиозного синкретизма, то взрывалась религиозными войнами. Как верно заметил Геродот, противостояние Европы и Азии впервые четко проявилось в Греко-персидских войнах (490–469 до н. э.). Вся Внутренняя Азия, от Босфора до Инда, объединилась в составе Персидской империи Ахеменидов. В свою очередь, эллинизм, прообраз и виртуальность всей европейской культуры, начал осознавать себя. В походе на Грецию Ксеркс тянул за собой все народы Древнего Востока: от египтян и лидийцев до индийцев и саков. И весь этот Восток греки наголову разгромили на историческом поле сражения при Платеях (479 до н. э.). Каллиев мир, который завершил Греко-персидские войны (449 до н. э.), освободил от персидского владычества греческие города на анатолийском побережье, от Босфора до Карики. Благодаря опыту, который дал грекам поход Десяти тысяч⁵ (401–400 до н. э.), царь Спарты Агесилай даже предпринял попытку завоевания Западной Анатолии (396–394 до н. э.), но эта попытка, предвосхитившая поход Александра Македонского, завершилась неудачей из-за новых братоубийственных войн между эллинами. Следствием этих раздоров стало то, что вскоре эллинизм заметно отступил, поскольку по Антаклидову миру ему пришлось снова уступить Персии всю азиатскую Грецию (387–386 до н. э.).

Антаклидов мирный договор воспринимался эллинской цивилизацией как сильное унижение. Исократ⁶, энергично осуждавший его, не переставал с тех пор искать вождя, способного объединить эллинов, во-первых, для того, чтобы смыть этот позор, во-вторых, повторить попытку Агесилая и завоевать западную часть Малой Азии до линии Киликия – Синоп. Такую программу он предложил царю Македонии Филиппу, в котором видел будущего главнокомандующего греческих сил, выступивших против персидского великого царя.

Программа его была не просто выполнена, но и многократно перевыполнена. Весной 337 г. до н. э. на Коринфском конгрессе Эллинский союз назначил Филиппа военным вождем похода на персов. Но вскоре Филипп был убит, и успешно осуществить это грандиозное предприятие суждено было его сыну Александру.

Александр – уполномоченный Эллинского союза

Дело Александра имело две стороны. Когда он, наследник планов своего отца и программы Исократа, выступил войной против Персидской империи, его поход имел тот же харак-

⁵ Поход Десяти тысяч – знаменитый поход 10 тысяч греческих наемников из Персии к Черному морю. Описан одним из их командиров – Ксенофонтом. (Примеч. пер.)

⁶ Исократ (436–338 до н. э.) – афинский оратор и публицист. (Примеч. пер.)

тер, что и предпринятый за шестьдесят лет до него Агесилаем. Как ранее Агесилай, он, лидер эллинизма, отправился в Азию, осуществляя возмездие за вторжение Дария и Ксеркса. Когда победа в битве при Гранике (июнь 334 г. до н. э.) отдала в его руки Малую Азию, он повел себя там в точности так же, как его предшественник Агесилай. Александр избавил от варварского ига греческие полисы побережья и возвратил свободу ионийцам, изгнав из этого региона мелких тиранов, поставленных персами. В этот момент он полностью был в роли защитника эллинизма. Смывал позор Антаклидова мира, дополнял победы при Марафоне и Саламине. Во время перехода через Малую Азию, от Сард до Гордиона и от Гордиона до Иссоса, его точка зрения нисколько не поменялась. Впрочем, центральная часть Анатолийского плато его, похоже, не слишком интересовала. Если по пути он овладел Фригией, то полностью пренебрег целыми провинциями: Пафлагонией, Каппадокией, Понтом, Арменией, которые хоть и входили в ахеменидскую державу, но попали под македонское владычество (да и то весьма эфемерное) лишь при его преемниках. Со своей стороны персы, после своего поражения при Гранике, постарались ограничить размеры катастрофы. Они в целом довольно легко уступили эллинизму полуостров Малая Азия, который представляет собой нечто вроде маленького континента, четко отделенного от Ирана и ориентированного на Эгеиду.

Напротив, победа, одержанная Александром при Иссосе, у киликийских границ (12 ноября 333 г. до н. э.), направила его на по-настоящему новый путь. С этого момента его поход стал чем-то большим, нежели просто общегреческая кампания-реванш. Перед ним возникли новые проблемы. Приходилось адаптироваться к местным политическим условиям.

Прежде чем начать массивную атаку великолепного и компактного иранского мира, он свернул в Сирию. Для реализации программы панэллинизма в первую очередь следовало дать Элладе все восточное побережье Средиземного моря, то есть европейский фасад Азии. Значит, Александр сразу понял важность Сирии, открытых ворот эллинизма внутрь азиатского континента. Однако он не достиг успеха на этом направлении и оставил это своим наследникам. Сначала Антигон, а затем Селевк, основав Антигонию-Антиохию, показали интерес внешней Греции к колонизации бассейна Оронта. Внимание Александра в Сирии было занято более срочной задачей: взятием Тира. И показательно, что лавина греческого возмездия на целый год приостановила свое движение через Азию ради единственной цели: захватить финикийский город.

В морском деле или в торговле финикийцы были вечными соперниками греков. С самого начала своей истории Греция всюду встречала их на своем пути: на Кипре, на Сицилии, на Саламине, на побережье Малой Азии. Ненависть к самому имени пунийцев и к их талассократии⁷ восходит к первым векам греческого мореплавания. Так что разрушение Тира Александром (август 332 г. до н. э.) соответствовало традиционной программе и жизненным интересам эллинизма. Это разрушение было непременным условием экспансии внешней Греции и основания Александрии. После падения Тира Восточное Средиземноморье стало реально принадлежать грекам.

После захвата Тира Александр двинулся на Египет. Египет всегда был для персов владением скорее номинальным, нежели реальным. На протяжении шестидесяти лет, с 405 по 342 г. до н. э., он оставался независимым от великого царя и лишился своих последних фараонов всего за каких-то десять лет до прихода в Мемфис Александра. Тот сразу же понял, что Египет с его тысячелетними традициями и особым духом является совершенно отдельным миром, с которым нельзя обходиться так же, как с остальным Востоком. Выступив в борьбе с персидскими захватчиками и святотатцами продолжателем дела Псамметихов и Нектанебов⁸ (его

⁷ Талассократия – подтип государства, вся экономическая, политическая и культурная жизнь которого, вследствие недостатка земельных ресурсов либо особого географического положения, сосредотачивается на деятельности, так или иначе связанной с морем, морским судоходством и контролем над морскими пространствами и прибрежными регионами. (*Примеч. пер.*)

⁸ Имеются в виду египетские фараоны Псамметих III (годы правления приблизительно 526–525 до н. э.), Псамметих IV –

даже объявят сыном Нектанеба II), он выставил себя наследником фараонов и в оазисе Аммона был посвящен в тайные знания этого великого фиванского бога. Так Александр, царь Двух Египтов, возобновил историю фараонов, которую Артаксеркс III полагал законченной навсегда⁹. Но, собирая наследство Тутмосов и Рамзесов, он отнюдь не забывал о распространении в мире эллинизма, и основание в уникальном с точки зрения коммерческой выгоды месте Александрии, с самого возникновения своего призванной стать столицей внешней Греции, полностью отвечало этой глубокой мысли. Пока Александр, с одной стороны, утверждал историческую особенность долины Нила и египетской цивилизации, а с другой – стремился привить там эллинизм, за ним наблюдал один из его полководцев, самый мудрый и самый хладнокровный, Птолемей Лаг, которому суждено будет в свое время исполнить этот замысел. Александр стал на Ниле первым наследником фараонов и греческих василевсов, продолжателями его станут Лагиды¹⁰. Добавим, что обожествление македонского завоевателя будет иметь решающее влияние не только на титулатуру многих эллинистических царей и даже римских цезарей, но также на словарный состав и теологическую мысль александрийского синкретизма.

Александр – преемник Ахеменидов

Покорив, а точнее, освободив Египет и восстановив его к выгоде эллинизма, Александр занялся иранским вопросом. В македонском лагере многие военачальники, в числе прочих Парменион, придерживались мнения, что следует удовольствоваться средиземноморскими землями, завоеванными в течение трех лет. Умеренные, вместе с Парменионом, полагали, что подлинное владение эллинизма – это Малая Азия, Сирия и Египет. По их мнению, Внешняя Греция не должна была удаляться от родного моря, чтобы не подвергаться чудовищным опасностям, исходящим от варваров. И следует признать, что спустя два столетия события подтвердили правоту данной точки зрения. В конечном счете, эллинизм удержал из македонских завоеваний, а Римская империя сохраняла на протяжении семи веков, оберегая от всех азиатских нашествий, именно область между Евфратом и морем. Сами персы чувствовали, что пределы эллинского мира заканчиваются на Евфрате, потому что Дарий III предлагал Александру разделить Азию по этому рубежу.

Несомненно, что эллинизм, несмотря на свою поразительную способность к ассимиляции, сумел серьезно распространиться лишь по полуострову Малая Азия, долине Оронта и долине Нила¹¹. Эллинизация в Анатолии началась со времен Мермнадов¹², а Египта – с колониистов Навкрата¹³. Но надо быть благодарными Александру за то, что он, вопреки всему, предпринял поход на Иранское нагорье и в Центральную Азию, ту самую Азию, в сравнении с огромными просторами которой Греция выглядела такой крошечной и хрупкой. Господство

предполагаемый правитель ок. 480-х гг. до н. э., Нектанеб I (годы правления 380–362 до н. э.) и Нектанеб II (годы правления приблизительно 360–343 до н. э.), воевавшие с персидскими царями, пытавшимися захватить Египет. (*Примеч. пер.*)

⁹ Артаксеркс III захватил Египет и уничтожил в нем власть фараонов, присоединив страну к державе Ахеменидов. (*Примеч. пер.*)

¹⁰ Лагиды – династия македонских правителей Египта, потомков Птолемея Лага – полководца и, по одной из версий, единокровного брата Александра Македонского. (*Примеч. пер.*)

¹¹ Высказывалось даже мнение, что Александр меньше эллинизировал Азию, чем азиатизировал греческий мир. В действительности азиатизация восторжествовала лишь в период поздней Римской империи, при Диоклетианах, Константинах и Феодосиях, когда римский цезаризм принялся подражать институтам и внешним формам азиатских монархий (в первую очередь Персидской империи Сасанидов), а греко-римская мысль в то же время оказалась пропитанной иранскими (митраизм), египетскими (серапизм) и семитскими (христианские ереси) верованиями. Афинянин времен Перикла, перенесенный в феодосиевский Константинополь, решил бы, что находится в Сузе, при дворе персидского великого царя.

¹² Мермнады – династия правителей (700–645 до н. э.) царства, расположенного в Малой Азии в области Лидия. (*Примеч. пер.*)

¹³ Навкрат – город, основанный в VII в. до н. э. греческими переселенцами (возможно, из Коринфа) на территории Египта; крупный торговый порт. (*Примеч. пер.*)

эллинизма на этих высокогорных плато продержалось каких-то два века. Но если бы завоеватель не двинулся на Иранское нагорье и далее на Хайберский перевал, не родилось бы гандхарское искусство, буддистская религия и греческая иконография никогда бы не встретились и не соединились неразрывно, буддистские миссионеры впоследствии не донесли бы через оазисы до китайских границ эллинистическую скульптуру и мы были бы лишены большого куска человеческой цивилизации.

Завоевание Александром Ирана стало более трудным предприятием. Победа при Арбеле¹⁴ (1 октября 331 г. до н. э.) отдала в его руки Западную Персию, но ему потребовалось три года (330–327 до н. э.), чтобы покорить Восточный Иран (Бактрию, Согдиану). В этом регионе – оазисах современного русского Туркестана и афганских долинах – он основал, как очаги торговли и цивилизации, греческие общины, от Александрии Оритской (Герат) до Александрии Эсхаты (Ходжент в Фергане). В Афганистане он заложил даже Александрию «Кавказскую» (то есть Гиндукушскую), отождествленную Дж. Хакином с городом Парван (Джебел-Серадж) к северу от Кабула, и Александрию Арахосскую (Кандагар).

Примечательно, что в Индии македонское завоевание ограничилось бассейном Инда, Пенджабом и Синдом. Как напоминает господин Фуше¹⁵, речь шла о провинциях, некогда входивших в персидскую державу Ахеменидов. Как известно, бунт войск остановил Александра на пороге гангского мира, но чутье не подвело македонских ветеранов: если Пенджаб географически и исторически привязан к иранскому миру, то бассейн Ганга, углубляться в который они отказались, представлял поистине новый свет: тропическая Индия, муссонная Азия – все это скорее относится к Дальнему Востоку. Остановив поход на Гифасисе (Биасе) в конце июля 325 г. до н. э., Александр зафиксировал крайний предел эллинизма. Европа, которая до него заканчивалась в Византии, отныне доходила до восточной части бассейна Инда.

Со времени возвращения из Индии в Иран (август 325 г. до н. э.) и до самой своей смерти в Вавилоне (13 июня 323 г. до н. э.) Александр завершал обустройство своей иранской империи.

Иранская политика Александра весьма любопытна. Вначале, как мы видели, он был эллином, мстящим Персеполю за сожжение Афин ордами Ксеркса. Но в ходе завоевания его точка зрения изменилась.

Иранская культура, наследница всей богатой материальной цивилизации Ассирии и Вавилона, соблазнила его, несомненно, в том числе и великолепием монархических институтов. Восток завоевал своего завоевателя. В конце жизни бывший главнокомандующий Эллинского союза был ахеменидским царем, легитимным наследником всех Дариев и Ксерксов, а кроме того, Саргонов и Ашшурбанипалов. Или, скорее, македонский василевс для греков, он намеревался стать для своих новых иранских подданных великим царем. Эллинизм и парсизм теперь были в его глазах равнозначными. Рискую вызвать недовольство македонских ветеранов, он даровал персам такие же привилегии, как им. Среди персов он выбирал многих своих сатрапов¹⁶. Он устраивал знаменитые своей массовостью смешанные браки македонян с иранскими женщинами. По его воле ахеменидская империя продолжила существование после поражения при Арбеле. В этом отношении Александр показал себя гораздо более «по-азиатски» решительным, чем его преемники Селевкиды в III в. до н. э.

Если бы нам надо было резюмировать его деятельность одной фразой, мы бы сказали, что, реализовав программу греческой экспансии Кимона¹⁷, Агесилая и Исократы, македонский

¹⁴ Более распространено другое название этого сражения – битва при Гавгамелах. (Примеч. пер.)

¹⁵ Альфред Шарль Огюст Фуше (1865–1952) – французский археолог и искусствовед. (Примеч. пер.)

¹⁶ В данном случае – губернаторов провинций (сатрапий); таково было первоначальное значение этого слова, не несшее никакого негативного смысла. (Примеч. пер.)

¹⁷ Кимон (ок. 504 до н. э. – 450 до н. э.) – афинский полководец и политический деятель периода Греко-персидских войн. (Примеч. пер.)

завоеватель, сделавшись владыкой Ирана, стал в результате резкого поворота, к которым история столь привычна, иранским Великим царем, последним из Ахеменидов.

Историческая роль державы Селевкидов

После войн между полководцами Александра за раздел его империи (323–301 до н. э.) почти все азиатские владения в конце концов достались Селевкю Никатору. Держава Селевкидов была древней Персидской империей, лишившейся Египта и Палестины, поверхностно эллинизированной и перенесшей свой центр из Суз в Антиохию, в Сирию, поближе к Средиземному морю.

Таким образом, Селевкиды оказались одновременно главными наследниками Александра и древних восточных государств. Вышло так, что со времен первых завоевателей Ура и Аккада все властители прошедших веков – ассирийские, вавилонские, мидийские, Ахемениды – работали на Селевкидов. Все содействовали созданию этого огромного политического единства Внутренней Азии, от Бактрии до Финикии, в котором растворились древние цивилизации. Миссия Селевкидов заключалась в том, чтобы наложить на это собрание народов, языков и религий греческие право, язык и культуру. Если на протяжении длительного времени им это удавалось, главным положительным результатом стало сохранение для Европы македонских завоеваний. Граница эллинизма, то есть Европы, оставалась на Инде. В то время как македонские цари из династии Антигонидов повторяли историю, увязнув в Греции в мелких войнах между городами, а Египет Лагидов, полностью занятый развитием своей эгейской талассократии, проводил узкопартикуляристскую политику, существовал восточный вопрос, который первые и вторые знали плохо, но который особенно интересовал антиохийского царя. Ибо восточный вопрос в III в. до н. э., проблема эллинизации Азии, являлся жизненно важным для государства Селевкидов, границы которого простирались от Сард до Бактрии, от Ливана до Гиндукуша. Ему предстояло защищать эллинизм, недавно привнесенный в долины Галиса и Оронта, Тигра и Евфрата, Окса и Яксарта.

Неблагодарное дело. В Египте, например, Лагиды оказались в географических и исторических рамках крупного централизованного государства, народ которого был сплочен тысячелетними институтами. Но какая связь существовала между парсизмом Ирана, древней ассирийско-вавилонской цивилизацией Месопотамии, полуэллинизмом лидийцев, сирийской культурой Оронта на селевкидском Востоке? Два века ахеменидского владычества объединили народы, но не смешали их, персы никогда не заботились об иранизации своих тридцати двух сатрапий. Они жили обособленно друг от друга под одним скипетром. И Селевкид, которому после войн диадохов¹⁸ достался этот скипетр, не мог опереться ни на один доминирующий народ.

Оставался греко-македонский элемент, разбросанный по всем государствам диадохов. Но находился ли Селевкид в этом смысле в лучшем положении, чем остальные? В Египте, как мы видели, Птолемеи нашли дело эллинизации уже начатым колонистами Навкрата. В Малой Азии династии Вифинии и Пергама правили над областями, расположенными поблизости от Ионии и сильно эллинизированными еще при Мермнадах. В Сирии и Персии не было ничего, кроме следов поспешных действий великого македонянина, намеков, которые следовало понять, набросков, которые предстояло осуществить. Речь шла о том, чтобы сделать греческой всю варварскую Азию, арамейскую или иранскую. А за этой Внутренней Азией, которая еще для поколения Филиппа II и Демосфена была загадочным и враждебным континентом, теснились у подножий Тянь-Шаня кочевники Центральной Азии. Наконец, на самом Инде горстка местных жителей, возглавленная Чандрагуптой, или Сандрокоттом, как его называли грече-

¹⁸ Диадохи – полководцы Александра Македонского, начавшие после его смерти серию войн за раздел его наследства. (Примеч. пер.)

ские историки, прогнала из Пенджаба македонские гарнизоны и отбросила эллинизм на север от Гиндукуша. Селевк I после безрезультатного похода был вынужден отказаться от Пенджаба и Кабула (305–304 до н. э.).

В Малой Азии, у самых ворот Греции, реакция местного населения началась буквально на следующий день после похорон Селевка I. Север полуострова поделили четыре автономных, более или менее эллинизированных государства: царства Пергамское (283–133), Вифинское (297–74), Понтийское (333 до н. э. – 63 н. э.) и Каппадокийское (257 до н. э. – 17 н. э.). Прямо эллинистическим было лишь одно из этих государств, Пергамское, правившая в котором династия Атталидов не имела иных честолюбивых помыслов, кроме как восстановить при помощи Рима древнее Лидийское царство Мермнадов времен Креза. Внутренние анатолийские царства, напротив, были гораздо менее открыты греческому проникновению, например Понт, который при династии Митридатов служил убежищем для иранских влияний в этой части Востока. Понт, Вифиния и Каппадокия представляли собой «варварскую» реакцию на дела Александра.

Селевкиды, ввязавшиеся в длительную братоубийственную войну против другой македонской династии Леванта – египетских Лагидов, – так никогда и не смогли вернуть под свою власть новые царства Северной Анатолии, созданные местными жителями. Тем более не сумели они ни предотвратить восстание иранского народа парфян к юго-востоку от Каспийского моря, ни помешать провозгласить свою независимость греческим губернаторам Бактрии (ок. 250 до н. э.).

Колониальная Греция: индо-афганский эллинизм

В других своих трудах¹⁹ я уже рассказывал историю блистательных греко-бактрийских царей. Достаточно напомнить, что это эллинистическое государство на афганской границе, укрепившись под властью двух Диодотов²⁰ и Эвтидема Магнезийского (ок. 250–189 до н. э.), при Деметрии (ок. 189–166 до н. э.) и Менандре (ок. 166–145 до н. э.) отвоевало у индийцев долину Кабула и Пенджаб. Менандр якобы привел эллинистические армии еще дальше на восток, чем сам Александр, поскольку будто бы спустился по долине Ганга до Паталипутры, современной Патны. Прекрасные греческие монеты, найденные в древних городищах Кабула, Капичи (ныне Баграм, к северу от Кабула), Пушкалавати, Песелаотисе древних географов (современная Чарсадда) и Таксиле, в Пенджабе, показывают нам масштаб распространения эллинизма в этом регионе. Провинции Капичи (район Кабула) и Гандхара (район Пешавара) настолько пропитались эллинизмом, что даже после падения индо-греческих царей (последние из них исчезли между 50 и 30 гг. до н. э.) в этой стране в I в. н. э. возникнет греко-буддистское искусство – посмертное деяние греческого владычества в этих краях.

Итак, индо-греческие цари сохранили далекое эллинистическое владение в Афганистане и Северо-Западной Индии вплоть до рубежа нашей эры. И вновь граница Европы доходила до бассейна Ганга. Но мятеж парфян отрезал эту индо-афганскую Элладу от остального греческого мира. Этот парфянский мятеж, пусть поначалу он был ограничен глухой провинцией (современный Хорасан), тем не менее стал первым проявлением мощной иранской реакции против дела Александра.

¹⁹ René Grousset. L'Asie orientale des origines au XV siècle (Histoire Générale Glotz, Presses Universitaires, Moyen Age, t. X).

²⁰ Первые цари Греко-бактрийского царства: Диодот I Сотер и Диодот II. (Примеч. пер.)

Антиох III и селевкидский эллинизм

Таким образом, империя Селевкидов потеряла один за другим север Малой Азии и восток Ирана. Добавим, что в самой Сирии, у ворот столицы, она была парализована присутствием соперников, египетских Лагидов, все еще остававшихся хозяевами Палестины и Финикии.

И тогда на престол Селевка взошел принц, в котором, по выражению Ренана²¹, «кажется, нашлась частичка гения Александра», – Антиох III (223–187 до н. э.).

Задача, поставленная перед собой Антиохом III, была огромна: пресечь в Малой Азии и Иране расколы, угрожающие истощить эллинизм, остановить в тех же странах реакцию местного населения, становящуюся с каждым днем все более грозной, вернуть Селевкидской империи средиземноморские владения, отобрав Финикию и Палестину у Лагидов, и тем самым восстановить связь с источником греческой эмиграции, чтобы постоянно черпать из него поток авантюристов и переселенцев, без которого держава Селевкидов обречена превратиться в чисто азиатскую монархию, где местные элементы в конце концов задавят греческий элемент; для этого следует создать плацдарм в Греции и появиться там в качестве истинного, подлинного македонского василевса.

Эту программу Антиох III полностью осуществил, для чего потребовалось двадцать лет, наполненных почти непрерывными войнами. Он привел к повиновению Малую Азию (213 до н. э.), Армению (212 до н. э.), парфян (211 до н. э.), греческого царя Бактрии (208 до н. э.), урезал территорию Пергама до его столицы (199 до н. э.), отнял у Египта Финикию и Палестину (201–198 до н. э.).

К этому моменту Антиох III восстановил в Азии империю Александра. Если он сохранил в Армении, Парфии и Бактрии вассальных монархов, то следует вспомнить, что Александр действовал так же. Но хватило одной лишь роковой битвы при Магнезии²², чтобы вся эта македонская «реконкиста» превратилась в бессмысленную череду походов. Дата, к которой мы подошли, имеет в истории большое значение. Это последний временной рубеж, когда казалось, что македонское решение восточного вопроса еще могло быть успешным. Никогда в дальнейшем эллинизация Востока не будет столь обширной.

Эллинизация в Сирии

Центром эллинизации была Северная Сирия. Роль эту объясняет географическое положение страны. Через порты Финикии и мосты на Евфрате регион Нижнего Оронта был перекрестком, где средиземноморская торговля соединялась с караванами из Ирана. Через киликийские горы и ливанские перевалы через нее осуществлялись связи между Малой Азией и Египтом. При Селевкидах колонисты, привлеченные этими коммерческими выгодами, превратили эту страну в новую Македонию. Достаточно одних названий сирийских городов III в. до н. э., чтобы подтвердить политическую программу династии. Македоняне Антигона и Селевка принесли в эту страну с родины свои самые живые воспоминания, верования, названия. Греческая мифология обрела здесь свою вторую родину, но из всех Бессмертных охотнее других Сирию посещали Аполлон и нимфы: им казалось, что они находятся в Греции. Горный район к северу от устья Оронта напоминал Темпийскую долину. Оронт был вторым Аксиосом. В городке Дафна жила любимая нимфа Аполлона. Игра слов позволила найти на горе Аманос

²¹ Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) – французский философ, писатель, историк религии, семитолог. (*Примеч. пер.*)

²² Битва при Магнезии (190 до н. э.) – сражение между армиями Антиоха III и Римской республики, в котором римляне нанесли сокрушительное поражение Антиоху, несмотря на огромное численное превосходство его войска. (*Примеч. пер.*)

след Ореста. «В бесконечном очаровании природы, – как излишне красиво высказался Ренан, – исчезла македонская грубость». Остроумие Лукиана²³ продемонстрирует, чем греческая мысль обязана сирийской легкости.

И тем не менее не следует заблуждаться. Появление в варварской Азии греческих общин было результатом не спонтанной иммиграции, а методичным и терпеливым плодом селевкидской политики. Посреди враждебного мира Селевкиды насаждали и пестовали хорошо подобранные центры колонизации, группирующиеся вокруг главных городов. Низшие слои населения, сохранявшие арамейскую культуру, оставались вследствие этого вне общественной жизни: греко-македонские горожане, настоящая буржуазия Леванта, образовывали политический и военный класс. Основная масса этих колонистов обосновалась в районе нижнего Оронта, вокруг больших городов: Антиохии, Селевкии, Лаодикеи и Апамеи.

Антигон, в то время когда был владыкой македонской Азии, в 306 г. до н. э. основал на берегах Оронта город Антигонию. Селевк Никатор дал этому городу имя Антиохия и (несколько передвинув его) сделал своей столицей. Выбор Антигона и Селевка отвечал постоянным стратегическим и коммерческим интересам. «Антиохия, – как отмечал Моммзен²⁴, – занимала центральное положение в империи, охватывавшей Малую Азию, долину Евфрата, Иран, и не хотела отдаляться от моря». В Антиохии соединялись три основных пути из Внутренней Азии: 1) Царский путь, шедший из Сард в Египет через Иконий, Тарс, Киликийские горы, Тир и Газу; 2) дорога, следовавшая вдоль Евфрата через Фапсак и Вавилон до Персидского залива; наконец, 3) караванный путь, который через Иераполь, Эдессу, Низиб и Эктабаны вел в Бактрию и Центральную Азию.

Антиохия, возникшая по капризу завоевателя, искала себе прошлое. Через дочь Инаха²⁵ и Триптолема²⁶ с горы Силпиос она претендовала на родственную связь с Аргосом и Афинами. Эти легенды принесли афинские колонисты, которых Антигон поселил в Антигонии, а Селевк I перевел в новый город. Но большинство поселенцев были родом с Кипра или из Македонии. Афиняне, македоняне и критяне – все они быстро перемешались между собой. Благодаря им Антиохия в III в. до н. э. стала одной из столиц эллинизма. Она разделяла с Александрией и Пергамом честь заменить Афины во главе греческого мира. Как и в Александрии, в ней имелось многочисленное местное население, составлявшее плебс предместий. Это население говорило на арамейском языке, но, поскольку за ним, в отличие от египетского элемента городов дельты Нила, не стояло тысячелетней культуры, оно эллинизировалось намного быстрее. Браки между греками и сирийцами, все более и более частые, способствовали смешению народов.

У Александрии был порт, обширные торговые связи, а с культурной точки зрения – ее музей и библиотека. Антиохия, в некоторых отношениях оделенная беднее, была одним из самых приятных городов Востока. Путешественнику, едва вышедшему из пустыни, она являла между поросших лесами склонов горы Силпиос и Оронтом свои миртовые сады, цветущие кустарники и лавровые деревья, гроты, каскады, площади, храмы, бани и портики, где теснилось пятисоттысячное население разных рас и вер, самое занятое, шумное и мобильное население в Леванте.

В 9 километрах от большого города, среди лавровых и кипарисовых рощ, газонов и фонтанов находился его «фешенебельный» курортный пригород Дафна. Этот городок, в котором стоял храм Аполлона Пифийского, был излюбленным дачным местом богатых сирийцев,

²³ Лукиан из Самосаты (ок. 120 – после 180 н. э.) – древнегреческий писатель, уроженец Сирии. Творчество Лукиана включает философские диалоги, сатиры, пародии, биографии и романы приключений и путешествий. (*Примеч. пер.*)

²⁴ Теодор Моммзен (1817–1903) – немецкий историк и археолог. (*Примеч. пер.*)

²⁵ Инах – в древнегреческой мифологии речной бог, сын Океана и Тефии. (*Примеч. пер.*)

²⁶ Триптолем – герой цикла элевсинских и аттических мифов о Деметре; с его именем связано введение в Аттике земледелия и распространение оседлой культуры. Существовало предание о путешествии Триптолема на Восток (в Сирию). Позднее антиохийцы почитали Триптолема как героя. (*Примеч. пер.*)

«восточным Тибуром»²⁷, где азиатские пороки – «фанатизм оргий» – дополнялись эллинской фантазией. В зависимости от Антиохии находился также порт Селевкий – Селевкия Пиерия, – контролирующий устье Оронта в Кипрском море. Соединял оба города Оронт, судоходный между Антиохией и морем. Находившийся южнее порт Лаодикеи (Латакии) был расположен менее удачно. Отрезанный от Оронта прибрежной горной грядой, он был ограничен местным сообщением с Египтом.

Эти эллинистические поселения перенесли в арамейскую страну формы организации греческого полиса. Всё это – религия, муниципальные учреждения, памятники, игры и празднества – создавало у обитателей Антиохии или Селевкий иллюзию (по крайней мере поверхностную) того, что они живут в Афинах или Коринфе. Однако окружающая среда оказалась сильнее. Колонисты ни в Антиохии, ни в Селевкий не сумели сохранить свои этнические особенности вопреки воздействию чуждых расы и климата. Эти гибкие греки слишком быстро адаптировались. Уже римляне, воевавшие против Антиоха III, видели в его греческих подданных «сирийцев», мы бы сказали: «левантийцев». Греки из собственно Эллады говорили о греках с Оронта как о креолах, а то и метисах. Доходит до того, что греко-сирийские авторы, как, например, Посидоний Апамейский, описывают нам своих земляков проводящими жизнь купающимися, душащимися благовониями, а когда надо идти на войну, идут на нее, как на маскарад. Возникает ощущение, что читаешь франкских хронистов XIII в., обличающих пуленов²⁸. Если верить Лукиану, греческий дух был сильно деформирован этой Азией с ее чудовищными божествами и с тяжеловесной чувственностью. Но именно существование самого Лукиана в дикой области Харпут свидетельствует, что, встретившись с Азией, греческая мысль длительное время сохраняла в боевой готовности свое оружие критического восприятия и иронию.

Принимая азиатских богов, греки старались переделать их под свои мерки, очеловечить, но им это не слишком удавалось. Местные Астарты и Ваалы просвечивали из-под греческих одежд. Антиохия приняла Богиню-Мать под именем Артемиды Персике. Селевкия Пиерийская почитала конический камень, символ финикийского Ваала – Зевса Громовержца, как его переименовали греки. Немного желания и игры словами (а греки, как известно, использовали ее как инструмент толкования), и вот уже все культы стали идентичными. Селевк Никатор, найдя в Лаодикее статую Астарты, моментально признал в ней афинскую Артемиду Бравронскую. Таков был процесс. Не было бога, не использовавшегося бы им. Царица Стратоника, жена Антиоха I, воздвигла храм Атаргатис Бамбикской²⁹ и ее священным евнухам. Митра, Изида, Серапис, как известно, так успешно обратили в свою веру азиатских и египетских греков, что те едва не повели их на завоевание Рима.

Если Селевкиды, как и Лагиды, грешили против греческого духа, их ошибка восходит к самому Александру. Впрочем, еще бы немного, и эта метода повлекла полную эллинизацию сирийского мира. Не последним мотивом, работавшим на греческую цивилизацию, была мода. Когда подумаешь, что даже среди иудейских первосвященников мания к изысканным манерам превращала Онию (Ониаса) или Иешуа в Менелая или Ясона, то больше не удивляешься тому, как быстро адаптировалась арамейская молодежь. И не следует утверждать, что эта эллинизация, совершенно поверхностная, не принесла греческой цивилизации никакой пользы. В селевкидскую эпоху эти посевы принесли великолепный урожай. Философия стоиков, зародившаяся на Кипре и в Киликии, дала первые уроки в Тарсе, Маллосе, Соли, Тире, Сидоне в правление Антиохов и Птолемеев. Македонские государства Внешней Греции сделали бы

²⁷ Тибур (ныне Тиволи) – город в 24 км от Рима; в Тибуре имели виллы многие представители римской знати, в том числе сам Октавиан Август. (*Примеч. пер.*)

²⁸ См. ниже.

²⁹ Атаргатис – сирийская богиня плодородия и благополучия, почитавшаяся в Бамбике (Эдессе). (*Примеч. пер.*)

для мировой цивилизации достаточно, если бы только дали ей учителей Эпиктета и Марка Аврелия.

Следующим после Сирии регионом, дольше других сохранявшим отпечаток, наложенный Селевкидами, стала Месопотамия. Северо-Западная Месопотамия, которую греки называли Сирией Рек, действительно напоминала Сирию своим арамейским населением. Селевкиды разделили ее на две провинции: Осроену и Мигдонию. Главным городом Осроены (Дияр-Мудара) был современный город Урфа³⁰, по-сирийски Орхай, который македоняне называли Эдессой в память о столице своей родины. Административным центром Мигдонии, названной так в честь района Верхней Македонии, был Нисибин, получивший имя Антиохии Мигдонийской. Расположенный южнее, на Евфрате, Фапсак стал Амфиполисом, а Дура – Эвропосом. Несмотря на эти переименования, несмотря на присутствие в главных городах греческих и македонских колонистов, эллинизация страны осталась поверхностной. Впрочем, Эдесса утвердится в статусе центра сирийской культуры, которая, будучи стеснена в самой Сирии распространением эллинизма, станет более свободно развиваться к востоку от Евфрата.

Эллинизация в Вавилонии и Иране

Проследовав в Вавилонию, путник углублялся дальше в арамейскую страну. Селевк I основал в ней Селевкию-на-Тигре, агломерацию, будто бы насчитывавшую впоследствии до шестисот тысяч душ, куда в 275 г. до н. э. Антиох I переселил остатки населения Вавилона. Это был еще более космополитический город, чем Антиохия, здесь арамейский элемент вдвое превышал элемент греческий. Его туземные толпы, его «македонский» гарнизон, его греческая община, его торговля с Ираном и Персидским заливом – сколько сторон его жизни, по которым нам хотелось бы иметь больше сведений. В управлении этим новым Вавилоном селевкидская политика опиралась на «халдейское» священство. Мы располагаем клинописными надписями, в которых Селевкиды упомянуты с титулатурой древних царей Вавилона, как легитимные наследники всех Хаммурапи и Навуходоносоров. Действительно, примечательно, что селевкидское владычество проявилось здесь возрождением вавилонской литературы. Покровительство Селевкидов позволило «халдейским волхвам», которые все, в большей или меньшей степени, были астрологами, проникнуть в средиземноморский мир, а чуть позднее добраться до Рима.

В Иране деятельность Селевкидов была слишком рано прервана парфянским мятежом. Однако в Мидии и в собственно Персии сохранились некоторые следы их владычества. В Мидии Селевк I эллинизировал Рагу (Рей), который стал Эвропосом, а Антиох I основал Ахаис. В Персии в узком смысле – в области Парс (Фарс) – возвышались Лаодикея, Метона и Антиохия Персидская, Греция в изгнании, затерявшаяся в районе Бушера и известная нам по декрету своей еkkлeсии³¹. В Маргиане Антиох I укрепил город Мерв, который назвал Антиохией.

Греческой расе часто отказывали в какой бы то ни было способности к унитарному империализму. Тем не менее можно предположить, что, столкнувшись с невиданными прежде по размаху проблемами, греческие общины, затерянные среди варварского мира, в конце концов приобрели эту способность. Верность династии Селевкидов, которую подтверждает некоторое количество надписей, видимо, представляет собой проявление этого панэллинизма. В том же, что касается непосредственно Ирана, если селевкидская колонизация не достигла там тех же результатов, что в Сирии, то лишь по недостатку времени. Катастрофическая война Антиоха III против римлян (191–189 до н. э.) остановила развитие его империи и оставила ее беззащитной перед реакцией туземного элемента.

³⁰ С 1983 г. Шанлыурфа (Турция). (Примеч. пер.)

³¹ Эkkлeсия – в древнегреческих городах народное собрание, высший орган государственной власти.

Идеи Антиоха Эпифана

Окончательно побежденный римлянами при Магнезии (190 до н. э.), Антиох III был вынужден подписать Апамейский мирный договор, означавший отступление Селевкидской империи, то есть дела Александра (188 до н. э.). Он потерял, за исключением Киликии, свои владения в Малой Азии, отданные римлянами царю Пергама, и признал выход парфян и греко-бактрийцев из-под его сюзеренитета. В Армении два бывших наместника Антиоха III, Арташес и Зариандр, отделились от антиохийского двора и образовали два независимых царства: первый в Великой Армении, второй – в Малой Армении (Софена и Арзанена), то есть в юго-западных областях страны. Империя Селевкидов, ставшая отныне просто сирийским царством, скатилась в ранг второстепенной державы. Однако через несколько лет сын Антиоха III Антиох IV Эпифан (175–164 до н. э.) попытался возродить величие своего дома.

Когда случайности наследования призвали его на престол³², Антиох Эпифан находился в Афинах, где вел жизнь обыкновенного частного лица. Этот потомок царствующей династии, казалось, стал настоящим афинянином: жители города назначили его стратегом³³. Вернувшись в Антиохию, он стал воплощать в жизнь свои идеи.

Оценки Антиоха Эпифана различны. У него были безжалостные противники, продолжавшие даже после его смерти преследовать его память. Но в чем ему нельзя отказать, так это в его филэллинизме. «Он любил Грецию, – говорит Ренан, – и смотрел на себя как на представителя эллинского духа на Востоке. Он был очень умен, щедр, устремлен к высокому и сделал из Антиохии один из самых ярких пунктов эллинизма». При нем, казалось, греческий ренессанс преобразил азиатскую монархию, и именно это шокировало его окружение. Республиканство этого «афинского стратега» скандализовало двор. Его эллинистский энтузиазм казался театральным. Не собирался ли он, прошедший молодость в Афинах и Риме³⁴, носить тогу и надевать граждан Антиохии функциями эдилов и трибунов? Вероятно, в манерах Эпифана была некоторая экстравагантность. Но кто скажет, что ее не было у императоров Адриана и Юлиана, двух самых блестящих умов Античности. Дилетант-либерал, эстет, увлеченный греко-римской свободолобивой риторикой, он также обладал задатками великого монарха. Его политика была не только политикой взбалмошного фантазера, как полагает Полибий³⁵, но и политикой последовательно добивающегося своих целей политика, как утверждают авторы священных текстов.

Взглянем на Селевкидское государство, каким его в 188 г. до н. э. оставил Апамейский мир. Территориальное расширение было ему запрещено. Если оно хотело продолжать оставаться великой эллинистической державой, то должно было добиваться успехов не на военной стезе. Римляне не позволяли ему добиться торжества эллинизма силой оружия. Однако греческая экспансия в Азии была смыслом его существования. Так государство Селевкидов оказалось вынуждено предпринять завоевание азиатской души посредством внедрения греческой культуры в самые широкие массы местного населения. Там, где потерпела поражение проводившаяся Антиохом III политика территориального расширения империи, единственно возможным оставалось интеллектуальное проникновение. Система Эпифана, эта программа

³² Антиох IV был третьим сыном Антиоха III и имел мало шансов занять престол. Но старший из братьев умер еще при жизни отца, а средний, Селевк IV, наследовавший Антиоху III, был убит. Антиох IV занял трон и женился на вдове своего брата. (*Примеч. пер.*)

³³ Стратег – в древнегреческих городах-государствах главнокомандующий войском, заведовавший в то же время внешними делами государства и отчасти финансами. (*Примеч. пер.*)

³⁴ В Риме Антиох находился в качестве заложника после заключения его отцом мирного договора с Римской республикой. (*Примеч. пер.*)

³⁵ Полибий (ок. 200 – ок. 120 до н. э.) – греческий историк, известный своей работой «Истории», охватывавшей период 264–146 гг. до н. э.; из 40 томов до нашего времени сохранились только 5 первых.

эллиниста и интеллектуала для афинского воспитания арамеев, была, в общем, адаптацией идеи Александра к условиям римского протектората. Азиатский эллинизм, ограниченный пространственно, намеревался развиваться вглубь.

Эллинизаторскую деятельность Антиоха Эпифана ощутила на себе вся Сирия. Он расширил Антиохию, построив еще один квартал – Эпифанию, куда зазвал афинских иммигрантов, даровав им большие привилегии. Он украсил город памятниками, такими как Булевтерий³⁶ и храм Зевса Олимпийского. Он стремился в первую очередь внедрить культ Зевса Олимпийского, общеэллинского бога. В святилище в Дафне он поместил его большую статую из хризозелефантина. В Дафне и Тире устраивались Олимпийские игры. Между прочим, процессия в Дафне подражала кавалькаде на Панафинейских играх. Но он пошел дальше. Воспитанный в Афинах и Риме при республиканской форме правления, Антиох IV демонстративно придавал муниципальным вольностям города Антиохия такое значение, что самолично наделял полномочиями городских чиновников: агоранома и демарка³⁷. Наконец, помимо своей столицы, он интересовался другими городами, в частности, расположенной в области Келесирия Хамой, ставшей Эпифанией, в Киликии – Аданой, переименованной в Антиохию Саросскую, в Вавилоне, в районе современной Басры, – Хараксом, ставшим еще одной Антиохией, а в Мидии – Эктабаной (Хамаданом), ставшим второй Эпифанией.

Восток эллинизировался без усилий. В частности, в Финикии Мелькарты становились Гераклами, Ваалы – Зевсами, а Астарты – Афродитами. Антиох Эпифан полагал, что окажет ту же услугу Яхве Иерусалимскому, преобразив его в Зевса Олимпийского. Едва эта идея возникла у него в мозгу, как он привязался к ней со всей страстью. Эллинизация Иудеи была доведена до крайностей. В Иерусалиме построили гимнасий, в него хлынула молодежь. Священники бросали службу у алтаря, чтобы пойти в палестру³⁸. Эта была подлинная лихорадка инноваций и трансформаций. Каждый стремился походить на грека. Еврейский первосвященник Иешуа велел называть себя Ясоном, а его преемники Ониас и Иоахим взяли себе имена Менелай и Алким. С 168 г. до н. э. официально прекратилось отправление иудейского культа в Иерусалиме и в Храме, под защитой греческого гарнизона, обосновался Зевс³⁹.

Сирийские арамеи подчинились этим переменам. Но у евреев очень быстро пробудилось национальное чувство, поддерживаемое их монотеистической религией. Иудейский бунт, начавшийся в 166 г. до н. э., был подавлен только после взятия Иерусалима (163 до н. э.). А в 143–142 гг. до н. э. третий преемник Антиоха Эпифана, Деметрий II вынужден будет признать независимость Иудеи.

2. Азиатская реакция против эллинизма

Возвышение парфян

Эллинизм отступал повсюду. В то время, когда евреи добились независимости Палестины, парфяне стали хозяевами Ирана.

³⁶ Булевтерий – в Античности – административное здание; предназначалось для заседаний буле (государственный совет) или объединенного совета святилища. (*Примеч. пер.*)

³⁷ Агораном – рыночный надсмотрщик, должностное лицо с полицейскими функциями; демарк – правительственное лицо, управлявшее всеми делами своего округа (демоса) и председательствовавшее на всех его собраниях. (*Примеч. пер.*)

³⁸ Палестра – в Древней Греции частная гимнастическая школа, где занимались мальчики с 12 до 16 лет. (*Примеч. пер.*)

³⁹ Отметим, что иудейско-греческий синкретизм проявлялся не только в философской сфере. Отсылаю читателя к классической работе Эмиля Брелера «О философских и религиозных идеях Филона Александрийского» – но также, позднее, в области искусства.

Парфяне, как мы уже знаем, были иранским племенем, в давние времена поселившимся в Хорасане, и их страна некоторое время входила в Ахеменидскую державу в качестве сатрапии. Их иранское происхождение, прежде подвергавшееся сомнениям, ныне не оспаривается⁴⁰. Они даже дали свое имя – *пехлеви* (*pehlvi*) на персидском – классическому языку Персии эллинистической и римской эпох. Против селевкидской власти они восстали под руководством живучей династии Аршакидов, названной так по своему основателю Аршаку или Арзасу I (ок. 250–248 до н. э.) и процарствовавшей с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э. Мы уже видели, что поход Антиоха III с целью принудить их подчиниться (ок. 209 до н. э.) оказался напрасным. В правление своего царя Митрадата или Митридата I (ок. 170–138 до н. э.) они воспользовались смутами в империи Селевкидов и отторгли от нее Мидию (ок. 160 до н. э.)⁴¹, затем Персиду, Сузиану и, наконец, даже Вавилонию. На востоке около 160–159 гг. до н. э. Митридат I отнял у греко-бактрийского царя Евкратиды «сатрапии Аспион и Туриуа», или, правильнее, Тапурия и Траксиана, расположенные, предположительно, первая в верховьях Атрека, а вторая в долине Касаф-Роуда, то есть обе находились возле современного Мешхеда. Селевкид Деметрий II в 140–139 гг. до н. э. попытался отвоевать у парфян Вавилонию и Мидию. Население, «давно привыкшее к македонскому владычеству и с трудом переносившее спесь парфян, – сообщает Юстин, – призвало его и действовало заодно с ним». Очевидно, как уточняет Юстин, что речь здесь идет об «эллинах и македонянах», то есть о греческих колонистах, поселившихся в Вавилонии, Сузиане, Персии и Мидии, которые, после отвоевания «варварами» этих областей, инстинктивно обратились к Селевкидам. Юстин также сообщает нам, что Деметрию II помогали бактрийцы, что позволяет предположить вспомогательный удар в пользу Селевкидов, нанесенный парфянам греко-бактрийским царем Гелиоклом Дикайосом. Но Деметрий II, пройдя освободителем через Вавилонию, был в Мидии пленен парфянами, которые, под предлогом переговоров, заманили его в ловушку и вскоре вернули себе все спорные провинции, включая Вавилонию (139 до н. э.).

Последний энергичный Селевкид, родной брат Деметрия Антиох VII Сидет (138–129 до н. э.), предпринял невероятные усилия, чтобы спасти плоды македонского завоевания. Первым делом он взялся за евреев и в 132 г. до н. э., после знаменитой осады, овладел Иерусалимом. Он ограничился тем, что привел евреев к повиновению и проявил величайшую терпимость к их религии. Их этнарх, асмодей Иоанн Гиркан, даже сопровождал его в походе на парфян. Затем Антиох выступил против парфян (130). И снова население Вавилонии и других спорных провинций встречало Селевкидов как освободителей. В Селевкии-на-Тигре греческие колонисты выразили свою радость, напав на парфянских наместников. Не только греко-македонские колонисты в городах, но и, по свидетельству Юстина, вожди местных племен «устремилась навстречу Антиоху и передались ему, проклиная спесь парфян». Победив парфян в трех сражениях, он занял Вавилонию и получил прозвище Великий. Все народы перешли на его сторону, и у парфян осталась лишь территория, которой владели их предки. К этому моменту Антиох VII, с общего согласия населявших их народов, вернул эллинизму Вавилонию, Сузиану, Персиду и Мидию. Но, считая врага совершенно сломленным, он дал парфянскому контрнаступлению застать себя врасплох, когда стоял на зимних квартирах. Он проявил большой героизм, но был раздавлен числом (приблизительно февраль 129 г. до н. э.).

⁴⁰ В частности, Страбон называет основателя династии Аршакидов скифом. Но мы сегодня знаем, что скифы (или саки) тоже были иранцами, равно как мидийцы, персы и бактрийцы. Отсюда замечание римского историка Юстина, что парфянский язык является промежуточным между персидским и скифским.

⁴¹ Последнее упоминание в клинописных текстах о суверенитете Селевкида Деметрия II датируется 144 г. до н. э.

Отступление эллинизма из Ирана в Сирию

Гибель Антиоха VII и разгром его армии – последней «македонской» армии, которая попыталась отвоевать Азию, – спровоцировали окончательное крушение дела Александра Великого к востоку от Евфрата. Мидия, Персида, Сузиана и Вавилония окончательно подпали под власть парфян, без надежды на реванш. Парфянский царь Фраад, или Фраат, II (138–128 до н. э.), победивший Антиоха VII, отвоевал эти провинции и заставил трепетать изменивших ему греков Селевкии. Поэтому 129 г. до н. э. является ключевой датой в истории Азии. От Окса до Евфрата иранизм окончательно восторжествовал над эллинизмом. *Начался накат Азии на Европу*. Царство Селевкидов съезжилось до границ Сирии и ближайших зависимых от нее владений: Киликии и Коммагены.

Наблюдая анархию, в которой барахтались последние Селевкиды, Фраат II, возможно, испытывал искушение перейти Евфрат и дойти до Сирии, но в тыл ему ударили скифы, совершавшие набеги со стороны Восточного Ирана. Нам известно, что как раз в это время, около 130 г. до н. э., Бактрия была отнята у греков скифскими племенами, которые Трог Помпей⁴² называет «сарауки и азиани», а Страбон «азиои, пасианои, тохарои и сакарулаи». Многие ориенталисты отождествили их с народом, известным по китайским летописям под названием юэчжи, откочевавшим около 165–160 гг. до н. э. с территории современной китайской провинции Ганьсу в Согдиану. Что же касается «сарауков» или «сакарулаев», их название приводит к сака-равака, сакскому племени, достаточно хорошо известному, поскольку его название фигурирует среди вассальных Ахеменидам народов, чьи контингенты сражались в битве при Арбеле. «Саками» персы называли все народы, которые греки именовали скифами, то есть кочевые племена, также иранского происхождения, ведущие пастушью жизнь в степях Южной России или Туркестана. Более определенно название «саки» применялось к тем из этих племен, что жили по обоим склонам гор Тянь-Шаня, в Фергане, Кашгаре и Хотане. Их недавно открытый язык известен филологам под названием *восточноиранского*.

Саки и другие племена, пришедшие из Центральной Азии, около 130 г. до н. э. отобрали Бактрию у последних греческих царей этой страны, когда парфянский царь Фраат II, которому в тот момент угрожало вторжение селевкидской армии Антиоха Сидета, попросил их о помощи. Отряды саков прибыли после победы Фраата, но тем не менее потребовали выплаты жалованья. Затем они принялись грабить Парфию. Фраат выступил против них, взяв в помощь и пленных греков-селевкидов. Те отомстили, повернув оружие против него. Парфянское войско было разбито, а Фраат убит.

Ардавану или Артабану II, дяде Фраата II, наследовавшему ему на парфянском троне (128–123 до н. э.), повезло: саки ушли из Парфии, но он захотел перенести войну в их страну – очевидно, в район Бактрии, и был смертельно ранен в бою с племенем тохаров. Его сын Митридат, или Митридат II Великий (123–88 до н. э.), наконец-то сумел сдержать набеги кочевых орд. Вероятно, он отбил у них Мерв и Дрангиану, или Систан, провинцию, где установилась власть владетельного парфянского дома Сурен, и даже Арахозию (от Кандагара до Газны), где в дальнейшем правил сакский сатрап по имени Азес. На западе Митридат II воспользовался раздорами между последними Селевкидами и перешел Евфрат. В 93 г. до н. э. его войска совершили набег на Коммагену и убили там Антиоха IV. Наконец, за уступку ему некоторого количества округов Митридат II помог посадить на трон Армении царя Дикрана, или Тиграна, Великого из династии Арташесидов, который стал его вассалом (около 95 до н. э.).

⁴² Гней Помпей Трог (I в. до н. э. – I в. н. э.) – римский историк и ученый; главный труд «Филиппова история» в 44 книгах, основной темой является македонский царь Филипп II, эпоха Александра Македонского и диадохов. (*Примеч. пер.*)

Армянская держава. Тигран Великий

В это время на Востоке произошла неожиданность: наступила гегемония Армении⁴³. После смерти Митридата II парфянская держава пережила закат. С другой стороны, в Сирии члены династии Селевкидов пожирали друг друга в мелких сварах, потеряв всякий авторитет. Царь Армении Тигран Великий (95–54 до н. э.) воспользовался этим, чтобы отнять у Аршакидов титул Царя Царей и вырвать из-под их сюзеренитета Адиабену (Ассирию), Гордиену, Мигдонию, или страну Нисибина, и Осроену, или страну Эдессы. Короче, весь север Месопотамии. В 84–83 гг. до н. э. сирийцы, уставшие от раздоров в семействе Селевкидов, предложили ему трон Антиохии, который он сохранял до 68 г. до н. э.

Отступление эллинизма в Сирии. Арамейская экспансия

Греческое владычество исчезало повсюду. В Северной Месопотамии, регионе, номинально присоединенном к Парфянской империи, а затем к новой Армянской державе, арамейское население, на которое эллинизм оказал лишь самое поверхностное влияние, оказалось фактически автономным. И тогда вождь племени карен по имени Арью основал в Осроене (ныне Дияр-Мудар), вокруг Эдессы (по-сирийски Орхай, ныне Урфа), автономный эмират (ок. 132 до н. э.). Его преемники, известные у греческих авторов под простым титулом топархов или филархов⁴⁴, правили в Эдессе до 244 г. н. э. Рассматривавшиеся римлянами как арабы, эти князья носили набатейские (Ману, Бакру, Сахру, Джебар, Арью), чисто арабские (Абгар, Мазур, Ваил) либо парфянские (Фрадашт, Фарфатаспат или Партамаспатес) имена. Созданное ими княжество часто называют княжеством Абгаров, по имени большинства его правителей (одиннадцать князей по имени Абгар и девять по имени Ману), оно смогло пережить все превратности армянского, парфянского, а позже и римского сюзеренитета и просуществовать более трех веков (132 до н. э. – 244 н. э.), не потеряв своего арамейского характера. Защищенная от эллинизма течением Евфрата, а от иранизма – Тигром и пустыней, Эдесса под управлением Абгаров и Ману могла жить своей жизнью. Она стала инициатором начавшейся на Востоке семитской реакции против эллинизма, которая продолжится вплоть до великого арабского мятежа, выразившегося в исламе. Проповедь христианства⁴⁵ не только не повредила своеобразию этой страны, но, напротив, способствовала появлению богатой сирийской литературы (на восточноарамейском диалекте), роль которой станет однажды капитальной в формировании арабской цивилизации.

Восторжествовавшая в Эдессе семитская реакция ощущалась вплоть до селевкидской Сирии, последнего оплота эллинизма в Леванте. Арамейский элемент, составлявший основу сельского населения, взял реванш над греческой буржуазией крупных городов. В это же самое время, по мере того как ослабевала власть последних Селевкидов, началось арабское проникновение в долину Оронта. Пришедшие из пустыни племена бедуинов разбивали свои палатки посреди возделанных полей. Одно из таких племен, табату, или набатеи, из Петры и Басры, овладело Дамаском (ок. 85 до н. э.). Его вождь Харитат III, ставший Аретом Филэллином (ок.

⁴³ Армянское царство было основано сатрапом Арташесом, который после заключения Апамейского мирного договора (188 до н. э.) стал независимым от Селевкидов.

⁴⁴ Топарх – правитель полунезависимой или независимой области; филарх – племенной вождь; в поздней Римской империи – титул ведущих арабских князей. (*Примеч. пер.*)

⁴⁵ Согласно легенде, эдесский князь Абгар V Уккама (4 до н. э. – 7 н. э. и 13–15 н. э.) якобы исповедовал христианство с 29 или 32 г. В действительности христианство, очевидно, было возведено в ранг государственной религии в правление Абгара IX бар Ману (179–214), но в этом нельзя быть уверенными. Во всяком случае, Абгар IX был другом христианского ученого Бардайсана (Бардесана) и запретил местный языческий культ Таратхи.

86–62 до н. э.), вел себя как царь и разбил еврейского князя Александра Янная. В 84 г. до н. э. в походе против тех же самых набатеев погиб Селевкид Антиох XII. Тем временем другой арабский эмир, Сампсикерам⁴⁶, обосновался в Хомсе (Эмесе). В 67 г. до н. э. он захватил в плен Антиоха XIII. С этого момента вся Сирия, за исключением Антиохии и нескольких других крупных городов, подпала под власть арабских эмиров и арамейских крестьян. Семитский дух восторжествовал над эллинизмом. Дело Селевкидов погибло.

Фиаско Селевкидов и его историческое значение

Каковы же были причины этого фиаско? Представители династии Селевкидов определенно не были лишены достоинств. Среди них не было «ленивых королей»⁴⁷. Всегда на коне, во главе армии или банды, они не имели времени на литературный досуг, в отличие от Птолемеев. Не имели они и всех их пороков. В этой военизированной империи монархи, которые запирались бы со своими грамматистами и фаворитами, процарствовали бы не больше недели. Первый в роду, Селевк, был прежде всего великолепным наездником и авантюристом большого размаха. Не был иным и блестящий наездник Антиох Великий, при всем своем экзальтированном рвении, способности очаровывать, любви к роскоши, легкомыслию и внезапных слабостях. Антиох Эпифан представлял собой любопытнейшую смесь гениальности и самонадеянности. Страстный поклонник эллинства, некогда мечтавший об Акрополе, счел, что ему по силам победить дух пустыни. Последние потомки династии, после разгрома Антиоха Сидета в Мидии в 129 г. до н. э., закончили героями романов плаща и шпаги, неимущими и немного безумными авантюристами; вчера еще великие азиатские монархи, назавтра вынужденные грабить святилища, чтобы выжить. На разве характер всех их, со всеми излишествами и пороками, не лучше затхлою трусливой буржуазности александрийского двора? Во всяком случае, пусть они потерпели фиаско, у них не было недостатка ни в храбрости, ни в активности.

Но чего же им не хватило? Присутствия за спиной единого народа, понимающего их миссию. Основные наследники Александра и представители Внешней Греции перед лицом варварского мира, самые умные из них тщетно пытались придать эллинизму высокое понимание политического единства, которого у греков никогда не было. Даже после Александра эллинизм поднялся над враждой между городами-государствами лишь для того, чтобы ввергнуть себя во вражду между династиями. Александрия, Антиохия и Пергам заменили Спарту, Афины и Фивы, и раскол продолжился. Если попытка Селевкидов представляет реальный исторический интерес, то тем, что это была единственная попытка эллинизма сорганизоваться в унитарную империю на манер империй Персидской и Римской.

Очень скоро Греция и Рим узнают, что потеряли, позволив погибнуть Селевкидам. В 64 г. до н. э. эллинизм в Иране уступил место парфянской реакции, а в Сирии – арабскому проникновению. А в Малой Азии с приходом Митридата Евпатора наступила «ахеменидская» реставрация, захватившая собственно Грецию и создавшая угрозу для Рима.

⁴⁶ Сампсикерам – греческая транскрипция арабско-арамейского имени Шамаш-Герам, или Шамши-Герам – «Солнце решило». (Примеч. пер.)

⁴⁷ «Ленивыми королями» в истории называют последних франкских королей из династии Меровингов, царствовавших чисто номинально, в то время как реальная власть находилась в руках майордомов (букв. управитель дворца; во Франкском королевстве поздних Меровингов титул фактических правителей государства при реально не правивших королях), которые по своему усмотрению ставили и смещали таких королей. Период «ленивых королей» (639–751) завершился тем, что один из майордомов, Пипин Короткий, заточил последнего Меровинга в монастырь, а сам занял королевский престол, основав новую династию. (Примеч. пер.)

Глава 2. Рим и восточный вопрос

1. Римское завоевание

Двойственная личность Митридата Евпатора. Наследник Ахеменидов. Филэллин

Не имея никакого представления о крупных азиатских проблемах, римляне после победы при Магнезии (190 до н. э.) предоставили азиатской македонской империи самостоятельно справляться с реакцией местного населения. Но когда они аннексировали в Малой Азии Пергамское царство (130 до н. э.), их точка зрения начала меняться. Римская республика помимо своей воли стала наследницей македонской традиции, и в этом качестве ей пришлось выбирать: отказаться от всех своих восточных владений или распространять свою власть вдоль до крайних пределов духовного распространения эллинизма. И в этот момент за эллинизированными областями Западной Анатолии римляне натолкнулись на страну и монарха, остававшихся, под поверхностной эллинизацией, откровенно «варварскими» в том смысле, какой вкладывали в это слово греки и римляне: с Понтийским царством и его правителем Митридатом Евпатором.

Митридат происходил из знатной персидской семьи, представители которой при Ахеменидах занимали различные высокие должности в Малой Азии. Воспользовавшись анархией, вызванной братоубийственными войнами между преемниками Александра, Митридат I, прозванный Ктистом (Основателем) (302–266 до н. э.), провозгласил себя независимым царем в Понтийской Каппадокии (280 до н. э.). Иранизм, частично покоренный первыми Селевкидами, нашел убежище в новом царстве, защищенном высокими грядами Понтийских Альп и расположенном в стороне от основных дорог, по которым передвигались эллинистические армии. Персы по происхождению, Митридаты стремились ими и остаться, хотя бы только для того, чтобы сохранить престиж в глазах населения, все еще ослепленного воспоминаниями об Ахеменидах.

Герой династии Митридат VI Евпатор (121–63 до н. э.) происходил из этого рода персидских сатрапов, но матерью его была селевкидская принцесса. Его изображения на монетах и бюсты отражают эту двойную наследственность, странную амальгаму грубости и утонченности, варварства и культуры, чувственной страстности и ясной рассудочности. В пышных анаксиридах⁴⁸, в тиаре на голове, он выглядит настоящим персом, носит имя персидского бога, приносит, согласно обрядам магов, жертвы на костре, дым которых возносится к небесному царю Ахурамазде, но в то же время он приносит дары в эллинские святилища и хвастается тем, что является новым воплощением Диониса, он искушен в греческих литературе и искусствах⁴⁹. Не вызывает ни малейшего сомнения, что для истории он является новым наступательным вариантом Дариев и Ксерксов, устремившихся к Эгейскому морю. Но как и все восточные монархи его времени, не исключая и парфянских Аршакидов, и даже более того, он умел выставить себя филэллином. Пусть его филэллизм был лишь весьма поверхностным слоем лака, не важно, потому что современники, даже сами греки, дали себя этим обмануть.

⁴⁸ Анаксириды – широкие штаны скифов-саков, собранные внизу или подвязанные у щиколотки, они заправлялись в сапоги. (*Примеч. пер.*)

⁴⁹ Накануне краха он отвергнет заимствованные греческие одежды, когда пошлет приказ убить всех женщин своего «гарема». Также он прикажет истребить всех своих сыновей, кроме Фарнака, который отомстит за братьев, предав отца.

Впрочем, именно благодаря своей внешней эллинизованности Митридат Евпатор сумел завести так далеко свою попытку иранской реставрации. А начал он свой путь в большой политике как покровитель эллинизма на северном побережье Черного моря. Греческие колонии Херсонеса Понтийского или Босфора Киммерийского, нынешнего Крыма, то есть дорийский город Херсонес к юго-западу от Севастополя, ионические города Феодосия, Пантикапей (Керчь) и Фанагория (на крайней оконечности Таманского полуострова) чуть ли не ежедневно подвергались угрозе нападения со стороны племен внутренних скифов, а за ними находилось сарматское племя роксоланов⁵⁰. Царь Перисад V, последний представитель местной греческой (или греко-фракийской) династии Спартокидов, обратился к Митридату за помощью (110 до н. э.). Тот за четыре похода своих армий отогнал скифов (110–107 до н. э.). А поскольку в ходе войны Перисад погиб, Митридат остался царем Босфора Киммерийского (107 до н. э.). Спаситель эллинизма в этих краях, победитель скифских орд, с которыми прежде не смогли совладать ни Дарий, ни полководцы Александра, он сумел привязать к себе эти племена, равно как сарматов и языгов⁵¹, обитавших в Южной Украине, и даже бастарнов, германский народ, населявший современную Молдавию, которые все поставляли ему наемников. На западной стороне Закавказья он аннексировал Колхиду (Мингрелию и Имеретию) и порты Диоскурию и Фаселис – прежние ионические колонии, – где впоследствии строился его флот.

Затем Митридат занялся объединением под своей властью Малой Азии. Сначала он посадил своих ставленников на троны Вифинии и Каппадокии (90 до н. э.), но затем вступил в конфликт с римлянами. Его первая война против них была отмечена одними победами. Он изгнал римлян из их «провинции Азия», то есть из Фригии, Мизии, Ионии и Карики, а также с островов Лесбос, Хиос и др. Всего за один день по его приказу в Азии было вырезано 80 тысяч выходцев из Италии.

Армии Митридата не только оккупировали Кикладские острова, но и высадились в Греции, где афинская демократическая партия, боровшаяся против партии аристократической, поддерживаемой Римом, встретила их как освободителей. В этом году (88 до н. э.) македонское завоевание было стерто настолько – невероятный реванш со стороны беглецов при Гранике, – что на Акрополе разместился «персидский» гарнизон, причем под аплодисменты афинян. Недалек был, казалось, тот час, когда весь эллинистический Восток соединится под одним скипетром и царь Понта растворится в Великом царе.

Римляне раздавили эту новую ахеменидскую империю в зародыше. Сулла, поставленный во главе легионов, изгнал понтийцев из Афин (1 марта 86 г. до н. э.), затем разгромил их при Херонее (весна 86 г. до н. э.) и Орхомене (весна 86 г. до н. э.). Митридат, отброшенный в Азию, согласился отдать все свои анатолийские завоевания и удалиться в родовое владение Понт (Дарданский мир, август 85 г. до н. э.).

Война возобновилась, когда римляне, опираясь на завещание последнего царя Вифинии, аннексировали эту область (74 до н. э.). Митридат попытался бороться за нее, но был изгнан (лето 73 г. до н. э.) Лукуллом, одним из лучших римских полководцев, который вторгся в собственно Понт. Лукулл рассеял понтийскую армию при Кабире (Никсаре) (72 до н. э.) и заставил Митридата бежать к царю Армении Тиграну. В 69 г. до н. э. Лукулл овладел Синопой, главным понтийским портом и любимой резиденцией Митридата, а затем вторгся в Армению, 6 октября 69 г. до н. э. разгромил армянскую армию под Тиграносертой⁵² и захватил столицу. Однако честь покончить с обоими царями досталась его преемнику Помпею. Когда Митридат вернулся в Понт, Помпей бросился за ним и победил в сражении у Дастейры, или Никополя

⁵⁰ Напомним, что сарматы, как и скифы, говорили на иранских диалектах.

⁵¹ Языги, как и роксоланы, были сарматским племенем.

⁵² По-армянски: Тигранакерт; очевидно, восточнее Батман-Су, недалеко к юго-востоку от Мануфаркина, если им не является сам этот город.

(Пиуск, округ Эндерес). Осенью того же года Помпей вторгся в Армению, дошел до города Артаксата (Ардашар) и принудил Тиграна отказаться от всех его завоеваний, а также признать себя, за царство Армения, клиентом⁵³ римского народа. Митридат бежал в Колхиду, где мог рассчитывать на поддержку кавказских горцев, в частности иберов (Грузия) и албанов (Ширван). Помпей вторгся в Иберию, взял город Армазике (Картли-Армази, к северу от Тбилиси), принудил царя Иберии признать себя клиентом (весна 65 г. до н. э.), затем отправился в страну албанов и разгромил их (лето – осень 65 г. до н. э.). Тем временем Митридат бежал из Колхиды в направлении Босфора Киммерийского, в Пантикапей. Старый царь мечтал собрать там новую армию и двинуться на Рим вдоль Дуная во главе сарматов, бастарнов и кельтов, но тут солдаты, напуганные столь безумным проектом, взбунтовались. Митридат покончил с собой (лето 63 г. до н. э.). В это время Помпей находился в Палестине. Считая понтийскую войну завершённой, он только что в Антиохии объявил Сирию римской провинцией (зима 64/63 г. до н. э.), после чего принялся за евреев. Осенью 63 г. до н. э. он, после трехмесячной осады, штурмом взял Иерусалим и покончил с еврейской независимостью.

Помпей и восточный вопрос

Еврейская и арамейская страна была беззащитна. Митридат мертв. В Иране парфяне Аршакиды с трудом оправлялись от опустошительных набегов саков. Царь Армении покорился. Теперь Помпею следовало придать новую форму отношениям восточного и греко-римского миров. В Анатолии, как и в Армении, в Месопотамии, как и в Сирии, он установил основные принципы римской политики, каковым еще через десять веков будет следовать византийский император Иоанн Цимисхий. Дело Александра просуществовало двести лет, прежде чем было разрушено. Дело Помпея, намного менее славное, проживет полтысячелетия.

Все из созданного Александром, что казалось возможным использовать, римский завоеватель приписал себе. Все области, где эллинизм показал свою живучесть, он прикрыл римской силой. Ото всех областей, где обеспечить владычество было сомнительно, римляне отказались. Это было возвращением к селевкидской традиции, но возвращением, дополненным последующим опытом. Впрочем, что оставалось от дела Александра и Селевкидов к тому моменту, когда дело эллинизма взял в свои руки Рим? Почти ничего. Селевкия принадлежала Парфии, Антиохия Армении, Дамаск арабам, царь Понта стоял в Афинах. Если с 63 г. до н. э. по 1081 г. н. э. блага македонского завоевания сохранились для цивилизации, то произошло это только благодаря Риму, который спас ситуацию. Малая Азия и Сирия казались достаточно эллинизированными. Помпей присоединил их к римской державе. Иран был во власти парфян и саков. Несмотря на некоторую угрозу, исходящую оттуда, он не вмешался в его дела. Что же касается Месопотамии, греческой снаружи и арамейской внутри, он колебался, и Рим после него также будет пребывать в нерешительности на протяжении пяти веков.

Во всем этом римляне показали себя сознательными наследниками македонян. Как и македоняне, они стали в Азии солдатами эллинизма. Они латинизировали только свои западные и варварские провинции. Повсюду, где они находились, они относились к нему с уважением, как одной из двух официальных форм своего владычества. К востоку от Ионических островов и Сирта Римская империя всегда была империей греческой. И здесь уместно вспомнить, что для той же Анатолии, например, эллинистический период продолжался от Александра до Митридата, а римский – от Помпея до Палеологов. Заметно, что эллинизм обязан «римскому миру» лучшим из своих завоеваний. После отказа от Ирана, который невозможно было удержать, Александр завоевал Грецию при цезарях. Рим на Востоке был делом рук не римлян, а македонян. Наследники Помпея на Востоке могли вплоть до Константина XI называть себя

⁵³ Клиент – вассал, зависимый правитель. (Примеч. пер.)

римскими императорами. Но после Юстиниана настал день (а он мог бы настать уже после Диоклетиана), когда история назвала их подлинным их титулом: василевс, греческий император. Действительно, в восточный вопрос римляне привнесли бесценную силу, которую тщетно пытались получить Александр и Селевкиды: политическое единство. Действительно, Византийская империя, противостоя мятежной Азии, представляла программу Александра, македонский панэллинизм, реализованный греками, но благодаря Риму.

В Сирии, которую Помпей низвел до ранга римской провинции, его заботы о реставрации эллинизма были особенно наглядны. Реакция арамейского элемента обуздана, арабское проникновение остановлено. Греческий элемент повсюду взят под защиту и ободрен. Шейхи кочевников, притеснявшие сирийские города, были схвачены или вынуждены вернуться в пустыню. Антиохия и Селевкия Пиерийская пережили своего рода ренессанс. Их муниципальные вольности были восстановлены, воспоминания о македонском периоде окружены почетом. На левом берегу Иордана Помпей даже основал новую Селевкию⁵⁴. Это название показательное: первый римский император в Сирии, со многих точек зрения, был лишь последним из Селевкидов. Набатецкий эмир Харитат (Арета) III, которому римские армии угрожали даже в его владениях в Аравии Петрейской, признал себя клиентом и в этом качестве сохранил Дамаск. Что же касается еврейского царства, Помпей, после взятия штурмом Иерусалима, воздержался от его прямой аннексии. Неудачная попытка Антиоха Эпифана доказывала, что следует щадить религиозные чувства монотеистов. Однако Рим, наследник политики Селевкидов, не мог терпеть националистическую теократию Маккавеев. Римляне нашли решение. Они отдали корону Иудеи идумейской династии, Иродам. Достаточно натурализованные, чтобы быть терпимыми своими подданными, Ироды оставались в достаточной степени чужими для иудаизма, чтобы проводить в Палестине выгодную римлянам политику.

После превращения Сирии в римскую провинцию Помпей избегал вступать в борьбу с Парфянской империей. Границей между двумя державами стал Евфрат. Но не прошло и десяти лет, как эта граница была нарушена. Начались жестокие парфянские войны. Под различными названиями они будут продолжаться шесть веков.

Рим и парфяне

В то время, когда Помпей аннексировал Сирию, парфяне, под властью династии Аршакидов, владели тремя четвертями Ирана. Саки и тохары, чье вторжение потрясло Восточный Иран, обосновались в провинциях современного Афганистана: Бактрии, Дрангиане (Систане) и Арахозии, откуда их экспансия повернула на Индию⁵⁵. Парфяне, помимо собственно Парфии, остались владыками Гиркании, Мидии, Персиды (Фарса), Сузианы и Вавилонии. Это было ядро древней Персидской империи Ахеменидов. Поэтому Аршакид Митридат I (ок. 170–138 до н. э.), после завоевания этих провинций, принял титул великого царя, который впоследствии носили все его преемники. Тем самым он ясно требовал себе наследство Дариев и Ксерксов через голову Селевкидов⁵⁶.

Юстин настаивает на скифской природе парфян. Скифы и саки (первое название применяется к кочевникам Южной России, второе, иранское или санскритское, – к кочевникам того же происхождения из русского Туркестана или Кашгарии) сами, как мы видели, были иранцами, но иранцами, оставшимися варварами в северных степях. То есть различия между

⁵⁴ В этом же духе рассмотрим название Помпейополис, данное Соли в Киликии. Еще один Помпейополис (Ташкопру) был основан в Пафлагонии.

⁵⁵ См.: Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. М.: Центрполиграф, 2020. С. 49–51. (Примеч. пер.)

⁵⁶ Об Аршакиде Ардаване или Артабане III (11–40 н. э.) Тацит пишет: «Он говорил о древних границах персов и македонян и угрожал с дерзкой болтливостью отобрать то, чем владели Кир и Александр» (Annales, V, 31).

скифами и оседлыми иранцами были не этническими или языковыми, а в чистом виде культурными. Юстин описывает парфян как конных лучников, проводящих жизнь на своем коне, а на войне осыпающих противника стрелами «в притворном бегстве» – налицо все известные приметы скифских племен. Тот же Юстин пишет, что они не погребают своих умерших, тогда как Ахемениды хоронили своих. По мнению Андреаса и Кристенсена⁵⁷, именно в царствование Митридата I, около 147 г. до н. э., была осуществлена компиляция «Вендидада», религиозного закона зороастризма, включающего правила о чистом и нечистом, грехах и покаяниях.

Как и все монархи их времени, Аршакиды следовали моде на «эллинизацию». Если Митридат I чеканил на монетах ахеменидский титул великого царя, то делал это греческими буквами: *базилеос мегалоу*. Все легенды на парфянских монетах выполнены греческими буквами. И Митридат I, и многие его преемники упоминаются в них с определением «филэллин». Кроме того, на манер Селевкидов и Лагидов, Митридат II наделяет себя эпитетами Эпифан, Эвергет, Дикайос⁵⁸. Но этот лак эллинизма был очень поверхностным. Общеупотребительным языком, за исключением греческих колоний, таких как Селевкия-на-Тигре, оставались иранский – пехлеви, то есть именно «парфянский» диалект, в Иране и арамейский в Месопотамии, все государственные акты писались арамейским письмом, как при Ахеменидах. В остальном продолжающийся упадок эллинизма в Парфянской империи иллюстрируется деградацией греческих букв на монетах Аршакидов от Митридата I (ок. 170–138 до н. э.) до Артабана (227–228 н. э.). Наконец, парфяне установили в Иране преимущественно феодальный режим, характеризующийся верховенством нескольких знатных фамилий, таких как Сурены, Карены и Гевы, и крепостным правом для сельского населения. В подобном обществе греческие колонии, такие как Селевкия-на-Тигре, должны были чувствовать себя потерянными. Селевкия, как уверяет Тацит, сохранила «дух своего основателя», то есть сознание своего эллинизма. «В ней избирают триста богатых или известных своей мудростью граждан, которые образуют сенат; есть гражданская власть и у простого народа. И когда между ними устанавливается согласие, они ни во что не ставят парфян»⁵⁹. Значит, греческая колония сохраняла в феодальной империи Аршакидов свою муниципальную автономию, но дальше мы увидим, что как в политическом, так и в культурном плане она поглядывала в сторону греко-римского мира. Со своей стороны разве римляне, отныне ставшие защитниками эллинизма на Ближнем Востоке, не должны были вернуть ему потерянные им области? Поэтому, начиная со времен Цезаря, движение к Карру и Селевкии стало одной из основных целей римской политики.

Несмотря на последовательность этой политики и доблесть легионов, ни одна из попыток Рима разгромить Парфянскую империю, чтобы присоединить хотя бы Вавилонию, не увенчалась успехом.

Шах римлянам. Красс и Антоний

Первая попытка имела место в царствование Аршакида Орода I (57 – ок. 38 до н. э.). Римский триумвир Красс, в то время когда Цезарь завоевывал Галлию, захотел возобновить в Иране поход Александра. Вместо того чтобы сделать своей операционной базой Армянский массив, как ему предлагал царь Армении Артавазд III, Красс послушался коварных советов правителя Эдессы Абгара II⁶⁰, двинулся через пустынное плато Джебзире, где был окружен и

⁵⁷ Фридрих Карл Андреас (1846–1830) – немецкий лингвист, востоковед, иранист; Артур Кристенсен (1875–1945) – датский востоковед, исследователь истории и литературы древнего и средневекового Ирана, современных иранских языков. (*Примеч. пер.*)

⁵⁸ Славный, Благодетель, Справедливый. (*Примеч. пер.*)

⁵⁹ Перевод цит. по: Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. М., 1993. (*Примеч. пер.*)

⁶⁰ Абгар II бар Абгар из династии Мазур был царем Эдессы с 68 по 53 г. до н. э.

разгромлен парфянами возле Каррэ или Карра (Харран) (28 мая 53 г. до н. э.) и, наконец, убит (1 июня). 20 тысяч римлян и их союзников были убиты, 10 тысяч взяты в плен. Ород переселил пленных в район Мерва.

Эта катастрофа имела серьезнейшие последствия. «Парфяне, соединясь с арабами, вознамерились не больше и не меньше как изгнать Рим из Сирии. Поскольку греки, жившие за Евфратом, ждали римлян как освободителей, евреи и другие западные семиты точно так же ждали Аршакидов». Враги Рима, азиаты, на какой-то момент растерявшиеся из-за падения Митридата Евпатора и Тиграна, обрели нового вождя. Когда автор «Апокалипсиса», этот вдохновенный семит, черпавший свой гений в ненависти к эллинизму, пророчествовал смерть римскому Зверю, ждал спасения от парфянских всадников.

В 36 г. до н. э. триумвир Антоний решил повторить попытку Красса. По предложению царя Армении Артавазда III, по-прежнему союзника римлян, он сделал отправной точкой своего похода эту страну и вторгся в Парфянскую державу через Атропатену, современный Иранский Азербайджан, где осадил город Прааспу (Марагу). Но аршакидский царь Фраад или Фраат IV (37–2 до н. э.) вынудил римлян снять осаду. Отступление римской армии было тяжелым, и разгрома удалось избежать лишь с большим трудом.

Неудача Антония, последовавшая за разгромом Красса, окончательно укрепила положение династии Аршакидов. С этого момента римская общественность приняла раздел цивилизованного мира между двумя державами. Установился *modus vivendi*⁶¹. Парфянский царь Фраат V (ум. 2 до н. э.) закончил свои дни в доброй дружбе с императором Августом, который ловко пытался внедрить римское влияние в его государство. Август и его преемники действительно приобщили к латинской цивилизации многих воспитанных в их окружении юных Аршакидов, которых они затем пытались посадить на трон в Ктесифоне, но всякий раз, когда расчеты их, казалось, вот-вот оправдаются, у парфян происходила резкая, полукочевая реакция, изгонявшая римских ставленников и призывавшая на трон других претендентов-Аршакидов, остававшихся верными обычаям своего народа.

А этот период главной ставкой являлось парфяно-римское соперничество за протекторат над царством Армения, армянская корона поочередно доставалась клиентам то Парфянской империи, то Рима. Соперничество усилилось после пресечения армянской династии Арташесидов около 10 г. н. э. В конце концов Рим и Парфия пришли к компромиссу, отдав армянский трон младшему отпрыску династии Аршакидов, который признал римский протекторат. Так Тердат или Тиридат I, брат парфянского царя Валгаша, или Вологаса I, приехал в Рим получить корону Армении из рук Нерона (66 н. э.).

Траян идет по следам Александра

Именно вопрос Армении спровоцировал при императоре Траяне возобновление парфянских войн. Хосрой, или Ороз, изгнал из Армении римского клиента, которого заменил на принца по своему выбору. Траян, решившись покончить с парфянами, начал с захвата Армении, которую превратил в римскую провинцию (114). Эта аннексия опиралась на союз с кавказскими народами, в первую очередь с албанами Ширвана, получившими нового царя из рук Траяна. Из покоренной Армении Траян отправился на зимние квартиры в Эдессу, где местный царь, Абгар VII, примкнул к римлянам.

Весной 115 г. Траян отобрал у парфян Северную Месопотамию (Нисибин). В 116 г. он завоевал Ассирию и Вавилонию и вступил победителем в города-близнецы Ктесифон и Селев-

⁶¹ Модус вивенди (*лат.*, букв.: способ действия) – термин, применяемый в дипломатии для обозначения временных или предварительных соглашений, которые предполагается заменить впоследствии другими, более постоянного характера или более подробными. (*Примеч. пер.*)

кию, из которых первый играл роль парфянской столицы. Оба этих региона, в свою очередь, были объявлены римскими провинциями, а Траян дошел до Харакса Спасину неподалеку от Персидского залива. Увидев корабль, отплывавший в Индию, римский завоеватель выразил сожаление от того, что возраст не позволяет ему отправиться туда на поиски следов Александра. По крайней мере, после взятия Ктесифона он приказал выбить медаль с красноречивой надписью: *Parthia capta*⁶².

Наступление римлян на Иран внезапно оказалось остановлено страшным бунтом – бунтом семитского мира. Движение начали еврейские колонии Киренаики, Египта и Кипра, затем оно охватило еврейское население Осроены, района Нисибина, Ассирию и Вавилон и, наконец, распространилось на арамейские элементы этих областей, а также на соседние арабские племена (117). Римлянам пришлось заново завоевывать восставшие Эдессу, Нисибин и Селевкию, топить мятеж в крови⁶³. Разумеется, парфяне воспользовались затруднениями римлян, чтобы перейти в контрнаступление. Им сыграло на руку то, что принцы дома Аршакидов оказались, как всегда, разобщенными. Траян, отказавшись от завоевания Ирана, поддержал одного из этих претендентов, который взамен признал себя его клиентом. Границей между двумя державами стал Тигр. Траян умер на обратном пути в Селине, в Киликии (в начале августа 117 г.); если он не сумел разрушить Парфянскую империю, то мог, по крайней мере, гордиться тем, что дал Римской империи границу по Загросу.

Тем не менее мятеж 117 г. стал очень серьезным симптомом. В тот час, когда величайший из римских императоров пытался реставрировать империю Александра, семитская душа выплеснула всю свою ненависть к Греции и Риму. Со времени взятия Иерусалима Титом (70) еврейские национализм и религиозный фанатизм дошли до исступления. Зелоты, отчаянные сектанты, отвергавшие любой компромисс с эллинизмом, тайно обрабатывали массы. Рим презирал их бессилие, но при всяком ослаблении римской силы они брались за оружие. Эти еврейские восстания, впрочем, интересны с той точки зрения, что позволяют предположить эволюцию восточной души под римским владычеством. Они продолжали традицию восстаний Маккавеев и предвещали приближение Изгнания. Это действительно была первая религиозная война в современном смысле слова между Европой и Азией, первый всплеск реакции Древнего Востока, который, несмотря на внешний филэллизм, пытался сбросить внешнюю Грецию в море.

Преемник Траяна Адриан, самый греческий из всех императоров, убедил себя в невозможности когда-либо эллинизировать эту упрямую Азию. Усмирив евреев империи, он отказался от завоеваний своего предшественника. Он добровольно вывел войска из Вавилонии и Ассирии, даже из Западной Месопотамии вплоть до Евфрата, и восстановил в Армении систему протектората в пользу боковой ветви Аршакидов.

Однако у Траяна были последователи. Еще дважды, при Марке Аврелии и Септимию Севере, римские легионы совершали походы в Месопотамию. В 165 г. полководцы Марка Аврелия разгромили парфян при Дура-Эвропос на Евфрате, километрах в пятидесяти к юго-востоку от впадения в него Хабура, и окончательно отобрали у врага эту важную пограничную крепость, а также Эдессу⁶⁴. В 166 г. римская армия дошла до двух парфянских столиц, Селевкии, которую предала огню, и Ктесифона, где царский дворец Аршакидов также был сожжен. Тем не менее Марк Аврелий, в отличие от Траяна, не стал аннексировать Вавилонию. Он ограничился присоединением к империи на северо-западе Месопотамии Осроены, или региона

⁶² Парфия завоевана (лат.). (Примеч. пер.)

⁶³ В правление князя Эдессы Абгара VII бар Изата (109–116) город был взят штурмом и сожжен Луцием Квиетом. После недолгой аннексии Римом (116–118) эдесская династия была восстановлена на престоле в лице Илура, или Ялуда, и Фарна-таспата (118).

⁶⁴ Следует отметить, что князь Эдессы Ману VIII, до того момента клиент парфян (139–163), а с этого момента клиент римлян (167–179), стал чеканить на своих монетах титул *Philotomaiois* (Друг римлян).

Эдессы, где княжество Абгаров вернулось в число римских клиентов⁶⁵. В Армении римский протекторат был восстановлен и укреплен. Император Септимий Север пошел дальше. В 194–195 гг. он отнял у парфян и вновь аннексировал Северную Месопотамию вокруг Нисибина, из которой сделал колонию. Парфянский царь Вологез IV в 197 г. осадил Нисибин, тогда Септимий Север предпринял новый поход, в ходе которого овладел Ктесифоном. В третий раз парфянская столица была разграблена победоносными легионами, которые захватили в ней сто тысяч пленных (ноябрь 197 г.). Парфяне смогли заключить мир, лишь признав себя данниками Рима, а Септимий Север добавил к своим титулам еще один: *Parthicus maximus*⁶⁶.

Династия Аршакидов и сама Парфянская империя недолго просуществовали после этого разгрома. Реакция иранского национализма смела этих слабых правителей и заменила их династией Сасанидов.

2. Сасанидская реакция

Переворот Сасанидов. Его значение в восточном вопросе

В феодальной Парфянской империи Аршакидов Персида, или провинция Парс, современная Фарс, столицей которой был город Истахр, или, правильнее, Стахр, древний Персеполь, образовывала периферийное царство, возглавляемое рядом царей, от которых до нас дошли несколько монет. Чаще всего этих правителей звали Артахшатр или Дарияв, то есть Артаксеркс или Дарий, как Ахеменидов, Пероз, как позднее Сасанидов, и Манучихр⁶⁷, как в эпосе. Интересно отметить, что в легендах их монет, в отличие от парфянских, никогда не употребляется греческий язык; только персидский, смешанный с арамейским, текст написан буквами, произошедшими от арамейского письма в эпоху Ахеменидов. Огражденный горами Фарс, ставший некогда родиной Ахеменидов, являл собой заповедник персидских традиций, когда в 212 г. знатный перс из района современного Шираза, по имени Папак, сын Сасана, основал в этой стране новую местную династию – династию Сасанидов. Сына Папака, Ардашир, в большой битве при Хормиздагане победил и убил последнего парфянского царя Аршакида Ардавана, или Артабана V (28 апреля 224 г.), и торжественно вступил в парфянскую столицу Ктесифон. В последующие годы Ардашир заставил признать свою власть различные провинции Ирана: Мидию, Систан, Хорасан, Маргиану и Арию. Его сюзеренитет признали даже кушане, или индо-скифы, Афганистана и Пенджаба. Заменив своей властью власть прежних парфянских правителей, основатель династии Сасанидов вместо них провозгласил себя царем царей, по-персидски *шахиншахом*, в арамейском прочтении *малкан малка*. Скальные рельефы Накшэ-Раджаба и Накшэ-Рустама возле Персеполя показывают нам коронацию Ардашира верховным богом зороастризма Ахурамаздой, или Ормаздом. Впрочем, монеты царей Сасанидов именуют их «слугами Мазды». На оборотной стороне их мы видим пламенеющий жертвенник.

Следовательно, с приходом к власти династии Сасанидов маздеизм или, точнее, зороастризм стал государственной религией. Этот строго конфессиональный характер новой империи составляет одну из ее отличительных черт в сравнении с парфянской эпохой, другой особенно-

⁶⁵ Правитель Эдессы Ману VIII (139–163 и 167–179) чеканил на своих монетах изображение Марка Аврелия рядом с собственным и, как уже упоминалось, титуловался *другом римлян*.

⁶⁶ Великий победитель в Парфии (лат.). (Примеч. пер.)

⁶⁷ Манучихр – в иранской мифологии и эпосе царь из династии Пишдадидов; упоминается в ряде среднеперсидских источников, в поэме Фирдоуси «Шахнамэ» и в поэме Наваи «Стена Искандера». (Примеч. пер.)

стью политического устройства державы Сасанидов является централизация, невиданная при Аршакидах.

Зороастрийская церковь состояла из низшего духовенства – магов или могонов, и высшего духовенства – мобедов, начальников духовных округов; те и другие подчинялись великому понтифику, мобедан-мобеду, который был вторым человеком в государстве, стоял в иерархии сразу за царем, духовным наставником которого являлся. В конечном счете, признание царя зависело от мобеданмобеда, обладавшего привилегией короновать его. Это духовенство опиралось на «Библию зороастризма» Авесту, редакция которой, согласно персидской традиции, была произведена по приказу парфянского царя Вологаса I (51–77), но первый царь из династии Сасанидов Ардашир I будто бы повелел сделать более полную редакцию. Вторым Сасанид, царь Шапур I (241–272), якобы созвал собор для окончательного установления авестийского канона. Так называемое письмо Тансара царю Табаристана, которое, если и не восходит к эпохе Ардашира I, датируется по крайней мере 560 г., временем царствования Хосрова I, прекрасно показывает роль, которую играло в государстве духовенство; роль эту можно сравнить с той, что католическая церковь играла при Филиппе II, прибавив сюда еще бескомпромиссный национализм. «Религия и Государство, – как высказывается в приписываемом ему тексте Ардашир, – это две сестры, которые не могут жить одна без другой. Государство есть поддержка Религии, а Религия укрепляет Государство».

Сила зороастрийской церкви даже перед лицом царской власти основывалась на строгой иерархии, подчинявшей местных магов мобедам, возглавлявшим духовенство каждой провинции, а тех – мобедан-мобеду, этому «папе маздеизма». Существование столь мощной церковной организации придало империи Сасанидов, существовавшей в античном мире, некоторые черты наших средневековых обществ. Мощный инструмент войны и политики на службе династии, продукт очень закрытого, очень высокоморального, очень утонченного в своих догмах, но требовательного в своем культе духовенства, эта государственная религия быстро стала репрессивной. Все неверующие, будь то христиане или, как маздакисты и манихеи, просто еретики, испытали на себе ее жестокость. В то самое время (III в.), когда Римская империя либерально открывала двери иранским верованиям, таким как культ Митры, Персидская империя закрывалась от верований – старых и новых – греко-римского мира. «Маздеистское духовенство, – отмечает Нёльдеке⁶⁸, – было столь же могущественным, как любое христианское духовенство, и не уступало ему в своем репрессивном пыле. Священники, соединившиеся с дворянством, устроили тяжелую жизнь не одному царю».

Что же касается царской власти Сасанидов, она была намного сильнее и гораздо лучше умела заставить себе повиноваться, чем царская власть в Парфянской державе. Парфянская империя была империей феодальной и почти превратилась в федерацию. Империя Сасанидов продолжала оставаться феодальной, но феодализм отныне подчинялся царской власти. Марзпаны, или сатрапы (губернаторы) провинций, находились под прямым постоянным наблюдением монарха. Автономный статус областей парфянских времен исчез. Семь знатнейших фамилий, восходящих по большей части к эпохе правления Аршакидов⁶⁹, действительно занимали важнейшие должности, порой передавая их по наследству, но речь шла больше о придворных должностях, чем о должностях наместников областей. После парфянского режима Персия Сасанидов вернулась к абсолютизму и централизации монархии Ахеменидов.

Было бы логично, если бы, оставаясь верной своему иранскому национализму, империя Сасанидов сохранила свою столицу в Фарсе, в Стахре-Персеполе например. Но политические соображения одержали верх. По примеру парфян великие цари Сасанидов сделали столицей

⁶⁸ Теодор Нёльдеке (1836–1930) – немецкий востоковед, автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии. (Примеч. пер.)

⁶⁹ В частности, Карены, Сурены, Аспахбады – все из народа пехлеви, то есть парфяне, Спандиахи и Михраны.

Ктесифон, а основатель династии восстановил город-близнец Селевкию под названием Вех-Ардашир. Однако оба этих города располагались вне этнически иранской территории. Вавилония, Ассирия и другие части Месопотамии, подчиненные Сасанидам, продолжали говорить на семитском языке, арамейском, и Сасаниды даже мечтать не могли, чтобы навязать им пехлеви. Более того: как мы увидим дальше, вскоре арамейский элемент на правом берегу Евфрата усилился благодаря постоянному проникновению арабов, что усилило семитизм региона. Так что сасанидские цари начиная с Шапура I (241–272) обоснованно выбивали на монетах свой титул как *Châchânchâh î Erân ou Anâgân*, Царь Царей Ирана и Не-Ирана.

Еще более обосновывали этот титул их территориальные претензии на римский Восток.

По словам Геродиана⁷⁰, Ардашир претендовал на все римские провинции в Азии, некогда входившие в империю Ахеменидов, которую он намеревался восстановить в полном размере. И написанная на пехлеви в сасанидский период поэма «Карнамаг-и Ардашир»⁷¹, и «Шахнамэ» Фирдоуси, появившаяся в мусульманскую эпоху, выводят родословную династии Сасанидов от «Дарая», то есть от Дария. Что же касается Александра Великого, хотя упомянутые эпосы и пытаются спасти иранскую честь, превратив его в младшего отпрыска династии Ахеменидов, пришедшего вернуть себе наследство, зороастрийская традиция видела в нем лишь жестокого преследователя, поджигателя Персеполя и разрушителя первой Авесты. Поэтому Сасаниды, как мстители за Ахеменидов, обнажили меч против Рима, наследника Александра в Азии.

Император Валериан, пленник Шапура

В царствование самого Ардашира война против Рима не привела к решительной победе. Но его сын и преемник Шапур I (241–272) добился неожиданных успехов. В 253 г. он выгнал из Армении римского клиента царя Тиридата II и посадил на его место своего вассала. А в 260 г., возле Эдессы, он захватил в плен римского императора Валериана. Знаменитый рельеф в Наш-и-Рустам возле Персеполя изображает сидящего на коне Шапура, величественным жестом дарующего жизнь Валериану, преклонившему перед ним колени. Персы, которым больше не противостояла римская армия, захватили и разграбили Антиохию, Тарс и Кесарию Каппадокийскую, угнав к себе многие тысячи пленных. Эти римские пленники использовались на крупных строительных работах, в частности, по традиционному сложившемуся мнению, на строительстве мостов и дамб в Шуштере и Гундишапуре в Сузиане.

Плененный персами римский император, униженно стоящий на коленях перед Великим Царем, – это было повторение в еще худшем виде разгрома Красса. Тем не менее, как и после Каррской битвы, владыки Ирана не смогли отнять у Рима ни Сирию, ни Малой Азии. Сам Шапур, спасаясь от вновь прибывших римских контингентов, вынужден был поспешно уйти за Евфрат. Эдесса осталась римской.

Первая арабская империя: Пальмира

Между римлянами, парализованными своими гражданскими войнами, Сасанидами, чьи набеги на римские владения прекратились, на Востоке выросла новая сила: Пальмира.

Своим благополучием населенный арамеями Тадморский оазис, или Пальмира, в Сирийской пустыне был обязан своему расположению на перекрестке караванных путей. На западе он сообщался со Средиземным морем через Апамею, Антиохию и Селевкию Пиерию, через Эмес (Хомс) и Антарадус (Тартус) или через Дамаск, Баальбек и Берит (Бейрут) или Тир. На

⁷⁰ Геродиан, иногда называемый Иродиан Антиохийский (ок. 170 – ок. 240) – греческий историк, автор «Истории от Марка Аврелия» в 8 книгах, охватывающей 180–238 гг. (*Примеч. пер.*)

⁷¹ Полное название «Карнамаг-и Ардашир-и Пабаган» – Книга деяний Ардашира, сына Папака. (*Примеч. пер.*)

востоке он был связан с Месопотамией мостами через Евфрат в Суре (рядом с Калаат-Джабер) и Дура-Эвропос (Салихийе), откуда, спускаясь по Евфрату, путешественник попадал в Ктесифон-Селевкию, Вологасиас возле Древнего Вавилона и Харакс-Спасину у места впадения двух рек в Персидский залив. Мощные компании владельцев караванов превратили Пальмиру в один из богатейших городов Востока. «Начальники караванов» (сунодиархай) из Пальмиры оставили нам многочисленные памятники с греческими и арамейскими надписями. Все это богатство действительно выражалось в искусстве через великолепные памятники и замечательные статуи-портреты.

Сами пальмирцы были арамеями, но управлялись арабской аристократией. С I в. н. э. они входили в число клиентов Рима. В начале III в. в Пальмире правил монарх по имени Оденат (Удайна), достаточно романизированный, во всяком случае внешне, чтобы носить имя Септимий и звание сенатора. Его второй сын и второй преемник Оденат II (258–266) оказал Римской империи огромные услуги во время вторжения персидского царя Шапура (260). Он не только помог римлянам прогнать этого государя до Евфрата, но также освободил римскую Месопотамию и преследовал персов до Ктесифона. Тогда-то он и получил от императора Галлиена титул *dux Romanorum*, командующего римскими войсками на Востоке, а царский титул присвоил себе сам. В анархии, в которую империя погрузилась в эпоху Тридцати тиранов⁷², он управлял от имени Рима всей Сирией. После его смерти его вдова Зенобия (Зейнаб), женщина необыкновенно одаренная, правила от имени их сына Вабаллата (266–273). Зенобия добавила к своим владениям Египет и Малую Азию, короче, всю совокупность римских восточных провинций, при этом не вступая с римлянами в конфликт, поскольку уверяла, что правит исключительно от их имени.

Бегло говоря на греческом, а возможно, и на латыни, она тем не менее проявляла явные симпатии к семитическим культам, в частности к иудаизму и христианству, что видно из того, что министром у нее был Павел Самосатский, епископ Антиохии. Похоже, что по примеру Павла и его «адопцианистских»⁷³ теорий царица Пальмиры, арабка или египтянка по происхождению, задумала установить широкий синкретизм, вбирающий в себя и примиряющий все религии. Так что мирное семитское завоевание греко-римского Востока происходило не только в политической, но и в духовной сфере.

Это курьезное политическое образование просуществовало недолго. Когда в 271 г. Зенобия и Вабаллат сделали последний шаг, приняв императорский титул, император Аврелиан, который, в силу обстоятельств, до сих пор терпел их посягательства, объявил им войну. Победив пальмирцев при Эмесе, Аврелиан взял Пальмиру (май – июнь 272 г.) и захватил Зенобию, которая украсила собой его триумф. Когда Пальмира вновь восстала, он отдал ее на разграбление (конец 272 г.). С тех пор город в пустыне перестал играть какую бы то ни было роль.

Нам стоит ненадолго задержаться на этой странной аванюре пальмирского эмирата, отобравшего у римлян без борьбы и разрыва все их азиатские провинции. На самом деле это событие лишь узаконило последствия оставшегося незамеченным переворота: захват арабами части эллинистического Востока. Здесь имело место медленное и незаметное овладение, аналогичное проникновению славян на Балканы в VIII в. Было бы ошибкой считать, что проникновение арабских элементов в Грецию датируется мусульманским завоеванием. Прорыв, позволивший мусульманам прорвать византийские рубежи обороны в Ярмуке и хлынуть в Сирию, ознаменовал апогей арабского могущества. Но это лишь наиболее сильное проявление тенденции, которая оставила в истории многочисленные следы. Мусульманское завоевание соответствует нормальному движению арабских племен, пытавшихся осесть на территории, занятой осед-

⁷² Эпоха Тридцати тиранов – период войн императора Галлиена с узурпаторами и претендентами на престол Римской империи. (Примеч. пер.)

⁷³ Адопцианисты – представители течения в христианстве, которое отрицает божественную сущность Иисуса Христа, считая его человеком, усыновленным Богом при крещении. (Примеч. пер.)

лыми народами. Всякий раз, когда греческая или римская власть ослабевала – при падении Селевкидов, в эпоху Зенобии, – успехи арабов становились отчетливо видны. Это завоевание без флага подготавливает и задолго предвещает час ислама.

Что же касается персов-Сасанидов, неудача попыток Шапура I в Сирии и Анатолии вынудила их на время отложить свои притязания. Области к западу от Евфрата еще четыре века официально принадлежали Риму, то есть эллинизму. Персидская империя тогда оказалась парализованной внутренними проблемами, в частности распространением манихейства.

Мани и сасанидский синкретизм

Замкнувшаяся в своем иранском национализме и зороастрийской вере империя Сасанидов тем не менее имела, как нам уже известно, в своих юго-западных провинциях, в Вавилонии и Ассирии, широкую зону, населенную семитскими народами с арамейской культурой; в зоне этой находились крупнейшие городские агломерации и даже столица Ктесифон. Этот регион, сохранявший языковые и культурные связи с Сирией, очень быстро открылся для проповеди христианства. Христианские общины, как, впрочем, и общины иудейские, были там весьма многочисленны. Добавим, что на своей восточной границе, со стороны Афганистана, Сасаниды установили сюзеренитет над различными районами Бактрии и Кабула – страны Кушан, – население которых тогда исповедовало буддизм; фрески и статуи, обнаруженные в Бамиане, Какраке, Фондукистане и других соседних областях Афганистана, являют нам образцы сасанидского искусства, соединившегося на этой окраине с символами великой индийской религии.

Таким образом, сасанидский мир, как бы он этому ни сопротивлялся, находился на перекрестке иранских, христианских и буддистских идей, и этот синкретизм, во многих отношениях более широкий, чем собственно александрийский греко-семитский синкретизм, выразился в манихейском учении.

Мани (ок. 215–276) происходил из иранской семьи, но, похоже, владел сирийским языком так же свободно, как пехлеви. Сначала он принял христианские идеи, вернее, ту их интерпретацию, которую давали гностические секты. Под влиянием гноза он попытался создать универсальную религию, сочетающую христианство и зороастрийский дуализм. Из поездки в Индию он привез буддистскую, вернее, паниндийскую идею о переселении душ, которую встроил в свою систему. Этот синкретизм, в котором и арамеи, и иранцы находили элементы своих традиций, видимо, имел равный успех у тех и у других. Кажется, к нему весьма благоклонно отнесся сам царь Шапур I: Мани даже посвятил ему один из своих трудов, «Шапураган». Но зороастрийская церковь, как, впрочем, и церковь христианская, не замедлили обрушиться на новатора и, в конце концов, добились его осуждения. Сасанидский царь Бахрам I (273–327) приказал бросить его в тюрьму, где он и умер.

Манихейству суждена была долгая жизнь; на Западе к нему на некоторое время примкнул такой блестящий ум, как Блаженный Августин, а в XIII в. оно продолжилось в учении катаров, против которых велись Альбигойские войны, тогда как на Ближнем Востоке в VIII в. в него обратились турки-уйгуры Верхней Монголии. Но в империи Сасанидов ему не удалось осуществить миссию, к которой его предназначал основатель. Призванное служить связующим звеном между христианством и зороастризмом, между римским миром и миром сасанидским, оно по обе стороны было объявлено ересью. Рим и Иран не сблизились.

Следует отметить, что мир между ними всегда был всего лишь перемирием. Так же как некогда парфяне, Сасаниды требовали от римлян Северную Месопотамию (Нисибин) и протекторат над Арменией. В царствование Сасанида Бахрама II (276–293) римский император Кар дошел до Ктесифона, и в 283 г. римляне навязали мир, который давал им удовлетворение по двум спорным пунктам. Молодой аршакидский принц Трдат, или Тиридат, III, воспитан-

ный в Риме, был посажен императором Диоклетианом на трон Армении (287). Борьба возобновилась, и новый сасанидский царь Нарсе в 294 г. изгнал Тиридата и вновь подчинил Армению. Соправитель Диоклетиана, «цезарь» Галерий сначала потерпел поражение при Каррах, но затем разгромил персидскую армию в крупном сражении, в котором захватил лагерь и жен Нарсе. По мирному договору 297 г. тот вынужден был окончательно отказаться в пользу римлян от протектората над Арменией, где на троне был восстановлен Тиридат III, а также от пяти провинций в верхней долине Тигра. На возвращенных территориях римляне укрепили Амиду (Диярбакыр), город, который сыграет важную роль в последующую эпоху⁷⁴, и Нисибин, ставший их главным торговым складом в этих краях.

Но скоро, благодаря переходу Константина в христианство, восточный вопрос приобретет совсем другой аспект.

⁷⁴ Укрепления Амиды были возведены императором Констанцием.

Часть вторая. Восточный вопрос в раннее средневековье. Византийское решение

Глава 1. Византия, бастион европейской цивилизации

1. От Юлиана до Ираклия

Христианская империя и сасанидский мир

В начале IV в. н. э., в царствование императора Константина (306–337) и персидского царя Шапура II (310–379), восточный вопрос вошел в новую фазу. Действительно, с того дня, как Константин сделал христианство господствующей религией, интересы римской политики на Востоке смешались с интересами этой религии. И именно в эту эпоху Персидская империя Сасанидов еще крепче, чем когда бы то ни было, держалась за зороастрийскую религию. Когда Константин созвал церковный собор в Никее (325), Шапур II, со своей стороны, собрал национальный синод, возглавляемый великим мобедом, или магом, Адурбадом Махраспандом, и на нем был окончательно утвержден текст «зороастрийской Библии» Авесты. Давняя борьба эллинизма с азиатским духом приобрела с этого момента религиозный характер. С обеих сторон это была священная война. С этой точки зрения ислам лишь усложнил ситуацию, существовавшую с IV в. Когда эллинизм и азиатская душа спрятались каждый в свою непробиваемую броню религиозных догм (а не было догм более неуступчивых, чем догмы сасанидского зороастризма), когда трения между народами и цивилизациями усугубились двумя соперничающими фанатизмами, ненависть между *эллин*ом и *варваром*, ставшими *истинно верующим* и *неверным*, стала неутолимой: со времен Шапура II и Константина восточный вопрос стал столкновением двух крестовых походов.

Обращение Константина в христианство не только придало новую форму отношениям между Римской и Персидской империями. Оно поставило очень важный вопрос перед самими персами. В сасанидской Персии проживало много христиан, особенно в Вавилонии, вокруг Селевкии-Ктесифона, в Ассирии и Адиабене вокруг Нисибина и Арбея, в Сузиане (Хузистане), вокруг Гундишапура (Беит-Лапата). После обращения Константина в христианство персидские христиане, преследуемые маздеитской церковью, стали смотреть на него как на естественного заступника. Их вожди, католикос Симон Барсабба и богослов Афраат, не скрывали своих проримских симпатий. «Назаряне, – говорил Шапур II, – живут на нашей земле и симпатизируют цезарям, своим единоверцам и нашим врагам... Симон хочет поднять моих подданных на мятеж против моей империи. Он хочет сделать их рабами цезарей!» Так что персидские епископы стали жертвами общих преследований (340–379) не столько как христиане, сколько как сторонники римлян.

Обращение Армении в христианство

Эти преследования сопровождались новым разрывом отношений между Персией и Римской империей (338). Ставкой – и главной жертвой – в войне в очередной раз стала Армения. Такова уже на протяжении долгого времени была горькая судьба этой страны. Со времени прихода к власти местной династии Аршакидов (53–429) Армения представляла как страна,

находящаяся в культурной зависимости от Ирана и одновременно в политической зависимости от Римской империи; в силу этого она периодически оказывалась разодранной между двумя этими тенденциями. Но Аршакид Тиридат III сделал окончательный выбор Армении в пользу Рима, когда по настояниям святого Григория Просветителя (Григор Лусаворич) принял крещение (около 301 или, по другим данным, в 288 г.)⁷⁵. Решение капитальной важности. В великом поединке, начинавшемся между Европой и Азией, Армения становилась на сторону христианства, то есть Европы. Как Франция и четырнадцать веков ее истории вышли из реймского баптистерия⁷⁶, так и Армения родилась в святилище, где Григорий Просветитель крестил царя Тиридата.

Шапур II, вступивший в масштабную борьбу против христианства, не мог позволить лежащей у его границ Армении стать цитаделью этой религии. Около 350 г. он зазвал на переговоры царя Армении Тиграна VII, преемника Тиридата III и христианина, как тот, и захватил его в плен. Он якобы даже приказал выколоть ему глаза, хотя, предположительно, так персы (около 367 г.) обошлись не с Тиграном VII, а с его сыном, следующим царем Армении Аршаком II.

Последние римляне и восточный вопрос

Разумеется, началась война между Шапуrom II и римлянами, которыми тогда правил император-христианин Констанций. Театром военных действий стала Верхняя Месопотамия, район Нисибина, города, который персы трижды безуспешно осаждали (338, 346, 350), и район Сингары (Синджара), где произошла знаменитая ночная битва. Ход войны переменился, когда командование принял на себя (июнь 363 г.) император Юлиан, последний великий воин в римской истории. Пройдя вдоль Евфрата через Каллиник (Ракку) и Киркезий, Юлиан переправился через Хаборас (Хабур), чтобы вступить в сасанидскую Месопотамию, и продолжил путь вниз по течению Евфрата по левому берегу реки. Он взял Пиризабору (Анбар), победил персов во всех боях, затем, продолжая двигаться в юго-восточном направлении, достиг руин Селевкина-Тигре. Несмотря на сопротивление персов, он со своей армией форсировал Тигр и дошел до Ктесифона, штурмовать который не решился. Тогда он проследовал вдоль Тигра вверх по течению, в направлении Ассирии. 16 июня римляне были атакованы персами, которых отразили, но те продолжали их беспокоить своими нападениями во время их отступления. 27 июня 363 г. в ходе одного из таких боев Юлиан, не щадивший себя, был смертельно ранен.

Курьезный парадокс: император – «отступник» от христианства героически защищал границу того римского мира, который уже становился христианским, а христианский император Иовиан не сумел удержать эту границу. Ради заключения мира с Шапуrom II Иовиан вернул тому не только пять затигрских провинций, некогда завоеванных Диоклетианом и Галерием, но также и северовосток Месопотамии, включая две крепости: Сингару (Синджар) и Нисибин (363). Христиане первыми пострадали от этих уступок, что доказывает пример святого Ефрема, вынужденного в то время покинуть свою родину Нисибин и перебраться в Эдессу⁷⁷. Хуже того: Иовиан в это же время трусливо отдал под сюзеренитет Сасанидов христианского царя Армении, до тех пор клиента римлян, Аршака (Арсака) II, которого четыре года спустя

⁷⁵ Отметим, что прежде, чем принять крещение, Тиридат III проявил себя как преследователь христиан – подверг мученической смерти святого Рипсима.

⁷⁶ Имеется в виду крещение реймским епископом Реми (Ремигием) франкского короля Хлодвига (Кловиса) I и последующее принятие христианства франками. Точная дата этого события неизвестна; традиционно считается, что оно произошло на Рождество 496 г. (*Примеч. пер.*)

⁷⁷ Святой Ефрем, родившийся около 306 г. в Нисибине, знаменитый своими религиозными стихами на сирийском языке, поселился в Эдессе в 363 г. Он основал там знаменитую школу, называемую «Школой персов», ставшую одним из наиболее активных христианских литературных центров на сирийском языке. Святой Ефрем умер в Эдессе 9 июня 973 г.

Шапур смог безнаказанно заманить к своему двору и казнить (367). Правда, император Валент попытался восстановить на троне Армении сына Аршака. Благодаря затруднениям Сасанидов, которые тогда воевали с кушанцами в районе Афганистана, ему это удалось (368), но затем он рассорился со своим протеже и сам его погубил (374). Валент отправил царствовать в Армению другого Аршакида, Варздата, но потом сверг с престола, как и его предшественника (374–378).

Признаем, что весь этот период азиатская политика христианской империи была весьма непоследовательной и способной лишить Рим симпатий его естественных союзников – армян и сирийцев.

После смерти Шапура II (379) борьба Сасанидов против римского мира как будто утихла. Новый персидский царь Ардашир II (379–383) был парализован раздорами со знатью, в конце концов свергнувшей его с престола. Шапур III (383–388) подписал с римлянами мир (384). Он тоже боролся со знатью и был ею убит. Занявший трон после него Бахрам IV, которому суждено было погибнуть так же, укрепил связи с римским миром: в это время кочевая орда гуннов-эфталитов угрожала Хорасану, и Персии необходимо было освободить руки на западе. Правда, она на этом выиграла. По соглашению, заключенному между 387 и 390 гг. с императором Феодосием, тот окончательно уступил персам протекторат над Арменией, сохранив под римским владычеством лишь некоторые провинции к западу от Феодосиополя (Эрзерума) и Мартирополя (Майяфарикина), ставших теперь пограничными городами Римской империи. Главными областями, удержанными Римом, были Софена (область Харпута), Софанена (к югу от Мартирополя и восточнее Амиды), Астианена и Белабитена (западнее устья Гёк-Су)⁷⁸.

Уступка Армении означала для римского мира отступление, серьезность которого нет нужды подчеркивать. Накануне массированных вторжений на западе последний «единый» римский император допустил разрушение восточного бастиона христианства. Христианская Армения накануне наступления новых времен оказалась брошенной греко-римским миром, предоставленной своим собственным силам, обреченной волей или неволей войти в орбиту Ирана, сегодня маздеитского, а завтра исламского. Нет нужды подробно излагать последствия этой ориентации.

Борьба Христа и Заратустры

Правда, сближение между Сасанидами и римлянами продолжалось. Сасанидский царь Йездигерд I (399–421) в международных делах проводил политику дружбы с константинопольским двором, а внутри страны вступил в конфликт с персидской знатью и зороастрийским духовенством. По двум этим причинам он проявлял терпимость к христианству, принял при своем дворе Маруту, епископа Мартирополя, и в 410 г. позволил этому прелату собрать в Селевкии-на-Тигре собор, на котором местные христиане приняли теологические постановления Никейского собора. По завершении этого собрания Йездигерд разрешил отправление христианского культа и строительство церквей. Была установлена церковная иерархия во главе с патриархом в Селевкии-Ктесифоне и митрополии в Беит-Лапате, или Гундишапуре, в Сузиане, в Прате Майханской, или Месене (недалеко от современной Басры), в Карке Беит-Слохской, или Киркуке, в Беит-Гармае, а Арбеле в Ассирии и в Нисибине в Северной Месопотамии. Следует отметить, что все митрополичьи кафедры располагались в населенных семитами, арамеязычных провинциях империи Сасанидов, но из тридцати обычных епископств часть находилась в этнически иранских провинциях, а жития мучеников показывают, что христианство приняло некоторое количество настоящих иранцев, даже представителей аристократии. Христианская церковь Персии, еще вчера рассеянная преследованиями и раздираемая расколом,

⁷⁸ Эти границы в основных чертах просуществуют до VII в.

теперь была официально признана и находилась под покровительством Царя Царей. Мы даже видим патриарха Ябалаху I (415–420) направленным Йездигердом с посольством в Константинополь «для примирения двух империй» (417–418). И потребовалось неосторожное поведение некоторых христианских священников в Сузиане, дошедших до того, что стали разрушать маздеитские святилища, чтобы заставить Йездигерда применить локальные репрессивные меры (420).

В царстве Армения, отныне жестко подчиненном Персии, христианство процветало еще больше. В царствование Аршакида Врамшапуха (ок. 387–419), правившего в полном согласии с духовенством, завершилась христианизация страны. В это царствование и при первом патриархе (387–428) святом Сааке, или Исааке, Великом, святой Месроп Маштоц между 392 и 405 гг. придумал первоначальные 36 букв армянского алфавита, что позволило перевести на армянский язык Ветхий Завет. Этот перевод, заверченный в 433 г. после последней сверки святым Сааком, за которым последовал перевод большого количества греческих произведений, создал армянскую литературу, которая очень скоро стала богатой, о чем свидетельствуют примеры Корюна и Эзника из Кольба⁷⁹. Так армяне осознали себя как нацию именно в тот момент, когда превратности истории угрожали их стране поглощением со стороны Персидской империи. Тем самым они смогли избежать угрозы ассимиляции и сохранить если не политическую независимость, то хотя бы духовную автономию.

Йездигерда I сменил на персидском троне один из его сыновей, Бахрам V по прозвищу Гор (Дикий Осел) (ок. 421–438). Примета времени: Бахрам Гор восторжествовал над своими соперниками и овладел Ктесифоном лишь благодаря помощи арабов – династии Лахмидов из Хиры, на правом берегу нижнего Евфрата. Лахмидский эмир аль-Мунзир I выступил в качестве арбитра семейных распрей сасанидских принцев. Это был первый пример демонстрации арабского могущества в большой истории. Очевидно желая завоевать симпатии зороастрийской церкви и аристократии, Бахрам Гор приказал начать преследования христиан и в конце концов вступил в конфликт с Римской империей, ставшей за некоторое время до того империей Византийской. Хотя византийцам и не удалось отбить у персов город Нисибин, в целом война шла для них успешно. С другой стороны, Бахраму Гору требовалось развязать себе руки, чтобы отогнать от границ Хорасана и Бактрии эфталитов и другие кочевые орды из Центральной Азии. Поэтому он заключил в 422 г. с императором Феодосием мир, по которому христианам в Персидской империи и маздеистам в Римской гарантировалась свобода совести.

Как нам известно, в Армении персы поддерживали власть находившихся от них в вассальной зависимости правителей из древней династии Аршакидов. Но армянские феодалы плели при персидском дворе интриги с целью низложения их последнего царя, Аршакида Ардашира (428). Бахрам Гор напрямую аннексировал Армению, которая с того времени управлялась простым *марзпаном*, или сасанидским губернатором.

Мятеж армянских христиан. Герой Вардан Мамиконян

При Йездигерде II (438–457), сыне и преемнике Бахрама Гора, религиозная война возобновилась. Он не только преследовал христиан собственно в Сасанидской империи, но и пытался принудить армянское население отказаться от христианства в пользу религии Заратустры. Его хазарбад (визирь) Мир Нарсе, не меньший, чем он, враг христианства, издал указы (449), в исполнение которых многие представители армянской знати, в частности Атом Гнуни и Манучир Рштуни, приняли мученическую казнь. Тогда патриарх Овсеп (Иосиф) I Огоцимци

⁷⁹ Корюн (годы жизни неизвестны) – армянский историк, писатель и переводчик первой половины V в., его труд «Житие Маштоца» считается первым дошедшим до нас оригинальным памятником армянской литературы. Эзник из Кольба – армянский писатель, автор ряда богословских трудов. (Примеч. пер.)

(440–454) созвал собор или, скорее, всеобщее собрание светских и духовных лиц, на котором было решено начать сопротивление (450). Десять основных армянских нахарархов (губернаторов) были вызваны к персидскому двору и принуждены хотя бы внешне перейти в маздеизм. Но когда персидские мобеды явились разрушить церкви и заменить их своими храмами, армянский народ восстал под предводительством Вардана Мамиконяна (Мамиконяны были одной из знатнейших аристократических семей страны). Однако персы заручились поддержкой нахарарха Вассака, владетеля Сюника (Сюни), выступившего заодно с ними. Вардан Мамиконян сразился с ним в грандиозной битве при Аварайре у истоков Дегмуда (Акчая), южного притока Аракса (2 июня 451 г.). Несмотря на проявленные им чудеса храбрости, он был раздавлен числом и погиб вместе со своими соратниками, убив больше трех тысяч персов. Патриарх Овсеп, обвиненный в подстрекательстве к мятежу, был арестован (451) и, в конце концов, принял мученическую смерть 25 июля 454 г. вместе со многими другими представителями духовенства, память которых чествуют под именем святых Левондянов.

Ваан Мамиконян, освободитель армянских христиан

При сасанидском царе Перозе (459–484), сыне и преемнике Йездигерда II, моральное сопротивление армянских христиан продолжалось под руководством патриарха Гута, или Гюта I, Арахезаци (461–478). Обвиненный в нарушении приказов сасанидских наместников и, что было гораздо хуже, в тайных сношениях с византийцами, Гют был вызван к персидскому двору (471) и сослан в деревню Отмус в Вананде (472), где умер в 478 г. Однако Сасаниды, вынужденные воевать с гуннами-эфталитами на границах Хорасана, ослабили религиозные гонения на армян. Во всяком случае, опасаясь новых вооруженных восстаний, позволили установить де-факто определенную веротерпимость. Тем не менее в 481 г. вспыхнуло армянское восстание под предводительством Ваана Мамиконяна, главы этой семьи и племянника героя Вардана Мамиконяна. Ваан, которому помогал патриарх Ованес I Мандакуни, поначалу добился блестящих успехов. Он изгнал персов из Двина (Дуина), в то время как его брат Вассак обратил в бегство одну из их армий в битве при Акори, южнее Эчмиадзина и Аракса и севернее Большого Арарата. Однако сасанидский царь Пероз послал в Армению новые войска, которые буквально раздавили восставших. Вождь армян Саак Багратуни, один из сподвижников Ваана Мамиконяна, был убит (482). Персидский военачальник Зармир Карен отбил у армян их столицу Двин и принудил Ваана Мамиконяна бежать к границам Византийской империи. Тем не менее Ваан очень скоро вернулся в Армению, где начал вести против войск персидских оккупантов упорную партизанскую войну.

Ситуация в Армении резко изменилась под воздействием перемещений центральноазиатских народов. Кочевая орда гуннов-эфталитов, хозяйка Западного Туркестана (современный Русский Туркестан) и части Афганистана, по-прежнему угрожала сасанидской провинции Хорасан. В 484 г. царь Пероз выступил против этих варваров, но был ими убит, а его армия полностью разгромлена. После чего эфталиты на некоторое время оккупировали округа Марвирад и Герат в хорасанском пограничье.

Армяне от этой катастрофы только выиграли. Персидские полководцы Зармир Карен и Михран поспешили вывести войска из Армении, чтобы идти спасать Персию от варваров. Впрочем, новый персидский царь Балаш (484–488), по совету Зармира, заключил с предводителем армян Вааном Мамиконяном мир, представив ему не только право свободного отправления христианской религии, но также – весьма унижительное условие – разрешив разрушить все маздеитские храмы, построенные в Армении. Он даже даровал Ваану достоинство марзпана, то есть царского наместника в Армении. Таким образом, армянский герой добился фактической автономии для своей родины, которой управлял под сасанидским сюзеренитетом с 485 по 505 г.

Святой патриарх Ованес I Мандакуни обосновался в Двине под защитой славного Мамиконяна. Там он и умер, окруженный всеобщим уважением, в 490 г. «Благодаря своему мудрому управлению, он сумел так успешно исправить разрушения, причиненные войнами последних лет, что его имя остается наиболее почитаемым в армянской церкви после святого Саака»⁸⁰. Однако персидский царь Кавад I в первое свое царствование (488–496) снова начал навязывать армянам массовый переход в зороастрийскую веру. Это вызвало новое восстание под руководством Ваана Мамиконяна, восстание на сей раз еще более победоносное, поскольку Каваду пришлось подтвердить полномочия Ваана и свободу христианства в Армении. После смерти Ваана ктесифонский двор передал управление Арменией его брату Варду (511–514).

Религиозный разрыв между Арменией и Византией

Итак, оставаясь подчиненной Сасанидской империи, Армения отвоевала себе некоторую политическую автономию со свободой исповедовать христианскую веру. Примерно в это же время она начала добиваться религиозной свободы, отделяясь от греческой конфессии. Это отделение было осуществлено в несколько этапов. «Начало» было даже незаметным.

Как известно, греко-римский Халкидонский собор (451) зафиксировал, согласно формуле римского папы Льва Великого, ортодоксальную формулу о единстве в личности Христа человеческой и божественной природы. Отцы Халкидонского собора предали анафеме одновременно монофизитов, приверженцев доктрины Евтихия, видевших в Христе лишь одну божественную природу, и несториан, которые, не довольствуясь теорией о двух «природах», видели в нем и две «личности», божественную и человеческую. Но в своем желании прийти к соглашению по компромиссной формулировке отцы Халкидонского собора проявили снисходительность если не к идеям, то, по крайней мере, лично ко многим несторианским прелатам, за что получили от монофизитов обвинение в несторианском уклоне. В этом духе высказалась и армянская церковь. Отметим, что ее представители, в силу обстоятельств, не смогли прибыть в Халкидон: дата проведения собора (451) – это время разгрома армян при Аварайре. С другой стороны, в ходе героической борьбы Армении против Персии за сохранение своей христианской веры (450–485) Византийская империя не оказала ей никакой помощи. Враждебность к решениям Халкидонского собора, замаранным латентным несторианством, как и враждебность к одобренной их византийской церкви, развивались медленно. Правда, в Константинополе новый император Зенон (474–491) издал в 482 г. документ, известный под названием Энотикон, который вроде бы изменял принятые в Халкидоне решения в пользу монофизитства, а его преемник Анастасий (491–518) проявил себя как открытый монофизит. Так что не стоит удивляться тому, что армянский патриарх Бабкен Отмесеци (490–515) на национальном синоде, собранном в Двине в 506 г., отверг халкидонские постановления как несторианские: в этом он был солидарен с императорским двором. Но в 519 г. новый император Юстин вернулся к халкидонской ортодоксии. Однако армяне не последовали за ним и остались монофизитами. На новом Двинском соборе 554 г., на котором председательствовал армянский патриарх Нерсес II Аштаракец, также называемый Багревандци, занимавший престол понтифика с 548 по 557 г., халкидонские решения были решительно осуждены. Разрыв армянской церкви с византийской окончательно совершился полвека спустя, когда армянский патриарх Авраам Албатанец на третьем Двинском соборе 608–609 гг. провозгласил, что «в Христе существует лишь одна природа, без смешения», что является определением самой сути монофизитства.

Традиционно считается, что один из этих синодов, а именно тот, что проходил в 554–555 гг., проводился под покровительством персидского царя. Доказательств этому утверждению нет, но бесспорно, что превращение армянской церкви в независимую и ее теологический

⁸⁰ *Ormanian. L'Eglise arménienne.*

разрыв с церковью византийской были весьма приятны ктесифонскому двору. Образовавшаяся между Арменией и Византией духовная пропасть отныне так и не зарубцуются. Не уходя на теологическую почву, отметим лишь, что таким образом Армения завершила отвоевание для себя полной моральной независимости: монофизитство спасало ее от поглощения Византией, так же как христианство избавляло от угрозы поглощения Персией.

Сасанидские христиане переходят в несторианство. Затишье в религиозных войнах

В это же время в христианской церкви Персии произошло не менее капитальное событие, которое в скором времени изменило отношение сасанидских властей к местным христианам: эта церковь перешла в несторианство.

Византийская империя в ту пору, как мы видели, казалось, склонялась к монофизитству. А на ее восточной границе, в крупном городе Эдессе, с 363 г. процветала знаменитая теологическая школа, называемая Школой персов, потому что именно там преследуемые в своей стране христианские общины Ирана находили своих наставников. Но в противоположность тенденциям, возобладавшим при константинопольском дворе, учителя Школы персов в области христологии довели диофизизм до несторианства, поскольку, не довольствуясь признанием наличия в Иисусе Христе двух *природ*, они дошли до признания в нем двух *личностей*. Тем самым они вступили в конфликт с византийскими властями, которые начиная с 457 г. принялись выдавливать их из Эдессы. Тогда их лидер Барсаума Нисибинский и остальные прелаты, придерживавшиеся той же доктрины, бежали на сасанидскую территорию, в Нисибин, где открыли новую Школу персов и открыто примкнули к несторианству. На византийской же территории эдесская школа была окончательно закрыта по императорскому указу в 489 г.

Теперь Барсаума мог влиять на христианскую церковь во владениях Сасанидов (Ирак и Иран). На синоде в Беит-Лапате (Гундишапур, в Сузиане), в апреле 484 г., он заставил эту церковь принять несторианский символ веры, что было подтверждено на собрании в Беит-Адраи самим патриархом персидской церкви католикосом Акакием (август 485 г.).

Присоединение персидской христианской церкви к несторианству немедленно вызвало политические последствия. Царь Пероз, не слишком, как мы знаем, расположенный к христианам, поддержал данный процесс силой своей власти. Он справедливо видел в нем способ наконец-то оторвать от Византии своих подданных-христиан. Он даже стал личным покровителем Барсаумы, который остался в милости и у следующего царя Балаша. Хронист Бар-Эбрей приписывает Барсауме такие слова, обращенные к Перозу: «Если мы не провозгласим догму, отличную от догмы ромейского императора, никогда твои подданные-христиане не будут тебе преданны искренне. Поэтому помоги мне сделать всех христиан твоей империи несторианами. Тогда они возненавидят ромеев, а ромеи станут их презирать»⁸¹. Речь, разумеется, апокрифичная, но она передает истинное положение вещей. Пероз действительно оказал поддержку Барсауме и новой Нисибинской школе. Все персидские цари после него смотрели на христианскую церковь Персии, отныне несторианскую, другими глазами. С того момента, когда она порвала с Византией, чтобы образовать независимую, читай: враждебную Византии церковь, ктесифонскому двору она казалась неопасной; более того: как церковь по-настоящему национальную, ее можно было считать почти официальной после государственной маздеитской. Табари⁸² приписал царю Ормизду IV высказывание, что его царский трон не может стоять на одних лишь передних своих ножках, если при этом он не опирается также и на задние, и правительство не может быть стабильным, если вынудит взбунтоваться против него христиан.

⁸¹ *Bar Hebraeus. Chronicon ecclesiasticum*, II.

⁸² Табари (ат-Табари Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир; 838–923) – арабский историк и богослов. (*Примеч. пер.*)

Таким образом, несторианство стало почти что второй государственной религией Персидской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.